

Небеса – конечная.

Пролог.

Посадка.

Суэта на перроне. Люди снуют вдоль состава. Кто-то поднимается в вагон. Кто-то пытается уладить свои дела с вагоновожатым. Кто-то обнимается с отбывающим. Кто-то спешит записать адрес, телефон того, кто уезжает и не известно, может навсегда. Вокруг суэта, гул голосов.

Вокзал. Он напоминает всю нашу суетную жизнь. Каждый день с кем-то встречаешься, кого-то провожаешь, с кем-то знакомишься, с кем-то расстаешься и на всегда.

Только возле одного вагона не так много народа. Вагон в хвосте поезда. С виду, вагон, как вагон. Но, почему-то никто на него не обращает внимания. Будто его вообще нет. И вагоновожатая чем-то отличается от других. Вроде бы, и форма та же. Но, что-то необычное в лице той женщины. Уверенный спокойный взгляд голубых глаз. Плавность в движениях. Тихий голос, но вполне достаточный, чтобы слышать. Всё в ней располагает к себе, и постоянное ощущение, что хочется с ней просто общаться. Или находиться рядом.

Кроме того, табличка о станции назначения странная «Земля-Небеса».

Подошла к вагону супружеская пара. Он, степенно, по-барски, извлёк из кармана билет, протянул с высокомерным видом вагоновожатой. Та, мельком взглянув на билет, но, пристально посмотрела на человека и спросила:

- А, вы уверены, что вам в этот вагон? Может ещё немного подождёте?

- Чего уж ждать? Я всего достиг.

Его же жена, с некоторым страхом в глазах и покорностью, посмотрела на мужа, только мельком бросила взгляд полный отчаяния во внутрь вагона, но ничего не сказала.

Следующий к вагону подкатил на инвалидной коляске молодой парень. Видно было, что он из всех сил бодрился, пытаясь выглядеть спокойным и счастливым. Однако, в его иссохшем теле чувствовалось полное отчаяние и уныние, которое он тщательно скрывал.

Вагоновожатая с заботой встретила этого пассажира.

- У вас удобное место, возле окна. Вы можете с наслаждением наблюдать своё прошлое, - заверила она молодого человека.

Тот в ответ ей ласково улыбнулся и закивал головой.

Коляска, в то время, как бы сама поднялась в воздух и исчезла в просторах вагона.

Следом за молодым человеком, к вагону не то что подошёл, а, как бы подкатил полный парень, чуть за двадцать. Весь потный. Пот прямо ручьями стекал с его лица. Он, своей пухлой рукой, придерживал своё сердце, и как-то странно дышал.

- Это в Небеса? – спросил он у проводнице.

- Да, да, - ответила та, - занимайте своё место.

Следом, за полным парнем, подошёл к вагону священник. Поддерживая рукой рясу, ступил на ступень.

- Любезная, - обратился он к вагоновожатой, - я верно сажусь?

- Как знать, любезный, как знать! Садитесь, в пути разберёмся.

Запустив священника в вагон, проводница обернулась. По перрону шёл солдат. Как-то не уверенно глянул на вагон, потом на проводницу, и спросил тихо:

- А, как вы считаете, ещё не рано?

- Вид у тебя, самое то. Влезай пока в вагон. Там, по ходу, разберёмся.

Следом за солдатом, будто кого-то преследуя, в вагон вскочил милиционер-полицейский. Проводница даже окликнуть его не успела.

И уж потом, проплывая по воздуху, в вагон проследовал младенец, аккуратно запеленованный, и совершенно с безразличным видом.

Проводница осмотрела перрон. У других вагонов ещё толпился народ, но к её вагону уже больше никто не подходил.

- Ну, - констатировала она, - видимо, на сегодня все.

И, её слова прозвучали как команда для диктора, и та, по громкоговорителю объявила: «Скорый поезд «Берюзовка – Страшитино», отправляется с первой платформы, третьего пути».

Светофор меняет свет на зелёный, и состав, медленно набирая скорость, отправляется с первой платформы, третьего пути.

Глава 1

Начало пути.

За окном состава проплывали придорожные пейзажи. Для тех, кто не раз путешествовал в поездах, привычная картина. Зато детям, это незабываемое впечатление. Всё в новинку. И убегающие дороги в разные стороны, дома, сбившиеся в кучу, как стадо овец, лесосеки, прячущие за собой поднимающееся солнце. И, буквально всё, что давно уже не трогает сердца взрослых, сказочными картинами, встаёт пред их воображением.

А вот в последнем мифическом вагоне, совершенно другая картина.

Вагоновожатая вошла в купе, которое заняла супружеская пара.

- Ну как вам, комфортно?

- Пока не понял, - буркнул муж, не отрываясь от окна.

А, за окном, в это время, проплывали картинки, с виду, как из семейного фотоальбома.

Вот, он младенец. Его окружают заботой и отец, и мать. Видимо, семья, не очень обеспеченная. Потому что мать, рано потерявшая молоко в груди, суетится, как бы в поликлинике получить нужные талоны на детское питание. А потом, отоварить их, надо ехать в другой конец города. А с кем оставить ребёнка?

А детское питание не заменит молока матери. Начинаются разные болезни. Желудок прихватывает, везут в больницу. Аллергия – снова больница. Плохой иммунитет из-за питания, как следствие простуда – снова больница.

И так, всё раннее детство, пока не встал на ноги.

Дальше школа, отставание в учёбе от сверстников. Постоянное чувство унижения перед другими. Закончилась школа. Получил диплом. Сумел поступит в строительный институт, в котором был вечно недобор. Списывая у однокурсников, пользуясь разными хитростями, приёмами и шпаргалками, и институт завершил. За это время, в совершенстве овладел искусством, как чужие мысли, чужие идеи выдавать за свои. Как подсиживать друзей, которых заводил с определённой целью, делать себе карьеру. Без стеснения, шагать «по головам», всё подминая под себя, идти к своей цели.

Умение говорить лозунгами, вовремя подставить спину под каблук начальства, довели его до поста начальника главка.

В жёны взял себе скромную, безынициативную секретаршу, которая в то время работала у него.

Жестокость деспотичность в отношении с подчинёнными, так же в своей семье, помогали ему удерживаться на той высоте, которую он достиг.

Бесконечные взятки, шантаж и вымогательства, помогли ему сколотить приличное состояние.

Единственный сын, унаследовал характер матери. Оно и не могло быть иначе. Главствующий отец, не брезговал устраивать себе «командировки», отпуска и даже просто наглое время провождения в кругу молодых девиц, на которых не скупился тратить свои несправедливые сбережения. Конечно, в семью отдавал столько, сколько было необходимо на некоторое безбедное существование. Но, тем и ограничился заботой о семье и воспитании своего единственного сына. И жене, и сыну забыл оставить и своё личное время, и хоть сколько любви и сочувствия.

В конечном счёте, сын, когда достиг студенческого возраста, уехал осваивать Сибирь по комсомольской путёвке, и где-то там застрял в Комсомольске на Амуре, изредка посылая небольшие письма матери.

Чем вконец обозлил своего отца деспота, и тот лишил сына всякого наследства и помощи.

И вот, видя перед собой эту картину, всю состоящую из серых красок, этот человек задумался: «А всего ли я достиг, чего хотел бы в жизни?» Прожил шестьдесят восемь лет. Друзей не завёл. Сына лишился. Жена, как чужая. Не раз, за это время, просыпался среди ночи, понимая, что он, в окружении столько людей, но совершенно одинокий. Понимал, те, кто ему льстит, в любую

минуту могу воткнуть ему же нож в спину. А, кто не льстит, ничего общего с ним иметь не пожелает.

И чувство, что что-то самое главное в его жизни, так и не произошло.

Любовь! Какая любовь? Видимо, с последней каплей материнского молока, была выпита, и вся любовь не только к матери, но ко всему человечеству. Напрягая всю память, никак не мог вспомнить, чтобы его восхищал когда-то закат, или восход. Чтобы он умилялся видом кошечки, или собачки. Не касался его сердца и вид женщин. Никаких чувств, кроме вожделенных. Даже к своему сыну он ничего не испытывал, кроме отвращения и желание подчинить своей воле.

Не ведомая до селе боль пронзила его сердце.

- О..о...ой...ого!.. – простонал он. – Вожатая, вожатая!

- Я рядом, - коснулась плеча женщина.

- Что вы сказали, когда мы садились в этот вагон?

- Может ещё немного подождёте?

- Видимо вы правы. Мне бы лучше подождать, хоть годик.

Вагоновожатая вытащила из кармана блокнот.

- Так, сейчас посмотрим. Нет, года у вас уже нет. Вам отведено ещё три месяца. Успеете всё уладить?

- Спасибо вам большое, спасибо! Я постараюсь, очень постараюсь.

- Сложно, конечно, но возможно.

Пробуждение.

Вспышка, как от фотоаппарата мелькнула в вагоне. И тот человек, некогда самоуверенный, дерзкий и жестокий, вновь оказался в том месте, откуда его дух, последовал на перрон, чтобы сесть в свой последний поезд.

Очнувшись в больничной палате, весь увешенный трубками и проводами, из последних сил дотянулся до кнопки вызова.

Прибежала встревоженная медсестра.

- Освободите меня от всей этой аппаратуры. У меня есть ещё три месяца. Мне торопиться надо.

Сбитая столку такой речью, медсестра отчаянно замахала руками,

- Не могу, не имею право. Вот врач придёт, тогда решим.

- Так давай сюда врача! – взревел, а не закричал человек. – Мне немедленно надо покинуть вашу больницу.

Не смея ослушаться большого начальника, а, в тоже время, боясь выполнить его просьбу, сестра опрометью бросилась из палаты.

Заскочив в ординаторскую, увидев лечащего врача, затараторила,

- Там, Окуничев, очнулся. Рвёт и мечет, требует, чтобы отключили его от аппаратов. Он что, самоубийство что ли затеял? А нам это надо?

- Тише, тише Людмила, разберёмся. Идём посмотрим, что там за бунт.

Когда врач с медсестрой вошли в палату, Окуничев (так оказывается величали большого начальника) лежал уже присмирившим.

- Что у нас произошло? – спросил врач.

- Вы меня лечите?

- Ну, до сего дня, да.

- Хорошо, тогда отсоединяйте меня от всей этой вашей дорогостоящей технике. Я точно знаю, что у меня ещё три месяца жизни есть. Так дайте мне прожить их и успеть сделать самое главное на земле.

- Подождите, не спешите. Вы три месяца лежали в коме. И что, вот так, в одночасье, вдруг выздоровели?

Но, взглянув на приборы, вдруг заявил:

- Хотя, судя по приборам, у вас действительно всё в порядке. Кардиограмма сердца – норма, давление – норма, температура – норма. Удивительное выздоровление! Я даже не знаю, как понять этот феномен? Но, прежде, чем вас отсоединять от аппаратуры, давайте не рисковать, а пару деньков понаблюдаем вас.

- Что...о...о! Пару деньков? Да у меня и пару часов лишних нет. Тут же отсоединяйте и выписывайте! Что вам не понятно?

В ответ врач пожал плечами:

- Что на это возразить? Вот сейчас принесём бумаги, вы подпишите, что мы не несём ответственность за то, что может произойти в случай, когда мы вас отсоединим от аппаратуры, и вы свободны.

В течении полутора часов были улажены все формальности, и Окуничев покинул здание больницы.

Тут же поймав такси, он отправился в главк. В приёмной, где был его кабинет, его встретили с таким видом, будто увидели приведение. Секретарша Катя выронила телефонную трубку так и оставшись сидеть с раскрытым ртом. Находящиеся там начальники отделов, кто сидел, тот вскочил, кто стоял, наоборот рухнули на стулья.

Окуничев, как бы и не заметил такой странный приём, связанный с его появлением. Стремительно вошёл в кабинет, и сам остолбенел у порога. В его кресле сидел бездарь, подхалим и стукач, Лакусов.

- Ты что тут делаешь?

- Как что? Вы же уже, как бы того как бы в мир иной собрались. Вот я и замещаю вас до полного утверждения. Вы же не против Степан Иванович? Я вас всегда ценил, как прекрасного работника. Многому у вас научился. И, как говорят: «Свято место пусто не бывает».

- Прохиндей! Что там, в верхах думали? Они, что, глаз не имели? Что, кого-то лучшего подобрать не могли.

Тут лицо Лакусово стало очень серьёзным. Тот, как бы скинул маску любезности и заискивания.

- Постойте, постойте любезный Степан Иванович, чем же вы лучше меня? Или вы взятки не брали, или вы не гнобили тех, кто мог претендовать на ваше место? Или вы не прокручивали махинации с подрядными организациями? Да я на вас могу такой компромат нарыть!

- Что ж, напрасно ты это сказал. Я лучше раньше времени в гроб лягу, но ты это место никогда не получишь.

Степан Иванович (как мы поняли, именно так зовут нашего героя), резко развернулся и вышел в приёмную.

В приёмной он как будто пришёл в себя. Посмотрел на секретаршу Катю, которая так и забыла положить трубку на место и закрыть рот.

- Катя, - обратился к ней Степан Иванович, - делом займись, и набери-ка мне министра нашего ведомства. Надо бы с ним встретиться.

Новость о том, что Степан Иванович чуть-ли не с того света появился в главк, мгновенно разлетелась по всем кабинетам. Но, вот в министерство, тем паче к тому, что в первую очередь заслуживает знать такие новости, как всегда, та новость приходит в последнюю очередь.

Но, в нашем случае, звонок Степана Ивановича, круто изменила весь ход событий. И, безусловно, министр, отложил в сторону неотложную текучку, и решил принять Степана Ивановича, чтобы воочию наблюдать этот феномен.

И, таким образом, уже через несколько часов, Окуничев уже сидел в его кабинете.

- Пётр Леонидович, сдержанно начал Окуничев, - должен вас предупредить, что вы поторопились, назначив Лакусова на пост начальника главка. Целый ряд его качеств будут тормозить работу главка, а то и вредить.

- Постойте, Степан Иванович, Лакусов, прежде всего, ВРИО. А второе – чем же вы были лучше его?

- Хорошо, - так же спокойно и сдержанно, ответил Окуничев, - действительно, я был руководителем никудышным. Немало принёс тем печали, а то и горя, окружающим меня сотрудникам. Возможно, принёс ущерб и нашему региону, а то и стране в целом.

И эта схема которой я пользовался запущена, и Лакусов ниприменёт воспользоваться ею. И даже более того, думаю, даже уверен, что пойдёт дальше с его натурой, запросами и характером, немало дров наломает.

Мне, как автору этого повествования, трудно судить о чистоте и намерениях самого министра. Хочу же его видеть честным и справедливым.

Да и какому министру не понравится начальник главка, честно исполняющий свои обязанности, при этом никак не пересекаясь с интересами своего министра?

Вот и рассказал Окуничев всю схему правления главка, ранее возглавляемого им.

Долгая была та беседа. На многие звонки министр не стал отвечать. Отменил даже неважные встречи в этот день. Задавал он многие вопросы Окуничеву.

И когда уже беседа подходила к концу, спросил:

- Что вы, конкретно, думаете делать? И, что можете предложить нам делать?

- Касательно того, что вам делать. Есть в отделе «работа с населением» молодой, но перспективный инженер. Стаж работы у него всего пять лет. Но, его инициативность, изобретательность, умение ладить с людьми, делает его на голову выше всех, кто уже десятилетиями, делая себе карьеру, съедают друг друга, вот его и поставьте. Польза будет, если только и его власть не испортит. Но, надеюсь, что нет.

Лакусова я бы оставил в покое, если бы не было опасения, что он не начнёт делать пакости молодому начальнику. Потому, пойду в прокуратуру с повинной. Ну, пошерстят немного наш главк. Почистят наши ряды. Зато, подумайте в каком прекрасном свете окажется министерство! Это на лицо забота о деле, о регионе, о стране. Подымится и ваш имидж.

- Вы-то сами, не боитесь в тюрьму попасть? – задал неожиданный вопрос министр.

- Нет, не боюсь. Пока будет идти следствие, я успею уйти в мир иной. Вы же знаете, как тянут наши правоохранительные органы. Пока соберут все улики и доказательства, не известно, все ли из тех, кто попадёт в поле их внимания, дождутся того суда.

На этом, Пётр Леонидович встал из-за стола, давая понять, что их беседа завершилась. Поднялся и Степан Иванович. Пожав друг другу руки, тем завершив эту главу.

Покаяние

Не думаю, что есть смысл описывать, как Степан Иванович явился в прокуратуру. Его явка с повинной, наделала много шуму. Образовавшееся громкое дело, вылилась в серию допросов. И, как итог - заключение его под стражу. И лишь, по ходатайству тех, кто в главке твёрдо занял его сторону, тот же инженер, ставший начальником главка, и внесения определённой суммы залога, освободили Степана Ивановича на свободу с подпиской о невыезде.

Оказавшись на свободе, Степан Иванович, не стал слишком осторожничать, и в тот же день, будто напрочь забыл о подписке о невыезде. Находясь дома, заказал билет на самолёт и полетел к сыну в Комсомольск на Амуре. Благо, дома, в записной книжке жены, нашёл адрес сына.

И вот, с дрожью в сердце, он нажимает на звонок в квартиру сына.

За дверью послышался шорох, дверь приоткрылась. В проём приоткрытой двери выглянул молодой человек лет сорока.

- Вам кого?

- Сын, ты не узнал родного отца?

- Отца? А, разве есть у меня отец?

- Есть, ещё есть. Открой сынок, мы просто поговорим. Открой, будь добр.

Сын, живя с отцом, никогда не слышал от него таких слов. Опешив от услышанного, как-то рефлекторно отступил назад, распахивая дверь, пропуская в дом отца.

В коридорчик при двери, вышла молодая женщина, а из-за её спины выглядывала любопытная рожица парнишки лет пятнадцать.

Неловкое молчание воцарилось в коридоре.

- Сын, ты бы познакомил меня с женой? А это, кто там за спиной прячется? Наверное, внук?

- Не думаю, отец, что тебе это нужно и даже интересно. С каких пор ты начал интересоваться мной и моей семьёй?

- Подожди сын судить. Есть веские причины для моих перемен.

- Что, никак в Бога уверовал? Сейчас, после развала союза, это стало популярно. Сначала коммунист, а теперь христианин.

- Нет сын, коммунистом я так и остался. Таким, видимо и умру. Но, не в моих убеждениях перемены. Мне осталось всего три месяца, даже уже меньше, быть на земле.

- Что это за диагноз? Врачи поставили? И так точно?

- Нет сын, это мне, коммунисту, ангел сказал. Я был три месяца в коме. И душа моя уже садилась в последний поезд. И когда уже сидел я в тот поезд, ангел спросил у меня: «а вы уверены, что вам в этот вагон».

И, уже на пути в небеса, я вдруг остро осознал, как много оставляю на земле. И выпросил у ангела этих три месяца.

И тут сын, как будто очнулся:

- Так что же это мы стоим в коридоре? Проходи сюда, в кухню. Вот, присаживайся, Голоден с дороги? Может быть чай? Наташа, постарайся что-то для стола.

Наташа подошла к газовой плите, зажгла под чайником огонь и молча встала, сложа руки, ожидая что ещё от неё потребуют. Внук застыл в проёме двери, ведущей на кухню. Атмосфера так и оставалась напряжённой.

- Конечно, печально то, что ты сообщил. Но, поверь папа, почему-то это не вызвало сочувствие в моём сердце.

- Сынок, я этого и ожидал. За всю свою жизнь, даже я не вспомню хоть один день, в котором бы принёс тебе какую-то радость. И вот, когда жизнь подходит к своему порогу, я об этом, друг, горько пожалел. Не знаю, почему вдруг на меня навалилась эта сентиментальность. Но, мне искренне жаль, что я так похабно себя вёл все эти годы. Как исправить положение? Я не знаю. Ни деньги, ни вещи не заменят того, что называется отцовской любовью. Но, вот она проснулась. И, уже её я заберу в небеса, так не дав тебе её насладиться. Прими же от меня хоть такую малость – всё что нажил за эти годы, будет твоим. И квартира, и машина, и все сбережения в банке. Ты можешь переехать в Прилуцк. Там достаточно работы будет для тебя. А Наташа, работает?

- Да, она учитель.

- Думаю, что и ей там работа найдётся. Я могу задействовать мои связи, и всё устроят. Ну а завещание ты скоро получишь.

- Отец, таким ты мне нравишься больше. Я готов отказаться от всего, лишь бы ещё хоть пару лет видеть тебя таким!

- Не получится сынок. Месяц я уже потерял, улаживаю дела со своим прошлым. Оставшихся два мне ещё предстоит потрудиться по полной.

Степан Иванович встал, собираясь уходить.

- Подождите, - опомнилась Наташа, - чаем хотя бы, я вас так и не угостила.

- Ладно дочка, не беспокойся, в самолёте попью.

И, обернувшись к сыну, сказал:

- На днях, жди адвоката. Принесёт тебе моё завещание.

И, уже уходя, обнял внука, всё ещё стоящего в проёме двери, с любопытством смотря на деда, погладил его по голове, будто выливал на него всю любовь и нежность, которую так и не смог отдать своему сыну.

Капли любви.

По возвращению в Прилуцк, сразу же направился в больницу, где уже не первый месяц, в плохом состоянии лежала его жена Вера.

Она раньше его слегла. Но он, постоянно занятый в главке, очень редко навещал её. Теперь же, взяв букет лучших цветов, коробку шоколадных конфет, которые она любила в молодые годы, и так разных фруктов, поспешил к ней.

Войдя в палату, увидев осунувшееся, постаревшее лицо жены, острой болью сжалось сердце. Столько лет провёл с ней рядом. Но, всегда воспринимал её как вещь, приложение к своему комфорту. Теперь же ему было и стыдно, и больно за все эти годы. Тихо подойдя, взял её за руку. Она, как бы очнувшись ото сна, отдёрнула руку.

- А, Стёпа, это ты, - уставшим, тихим голосом сказала она!

- Я, любимая.

Вот тут глаза жены расширились, она даже попыталась сесть. Но, попытка оказалась неудачной. Измотала болезнь, забирая последние силы.

Но, Степан проявил ловкость, очень даже завидную для его возраста, подхватил Веру за плечи и помог удержаться в сидячем положении.

Всё ещё смотря на мужа широко раскрытыми глазами, спросила:

- Что ты сказал?

- Прости, я действительно не помню, когда в последний раз называл тебя любимой. И вообще, называл ли когда-нибудь. Теперь же мне хочется, чтобы ты каждый день от меня слышала только такие слова, слова нежности и любви.

- Не поздно ли Стёпа?

- Не поздно, ещё два месяца есть. Может, всё и не исправлю, но, хоть что-то.

Помолчав немного, вдруг предложил жене:

- Знаешь, лежать, кроме пролежней, ничего не вылежишь. А давай-ка с тобой махнём куда-нибудь на курорт? Хочешь на юг, к Чёрному морю. Хочешь в Карпаты. Свежий воздух, горы. Глядишь, силы наберёшься.

- Да, мне по горам только и остаётся ползать, когда я двух шагов по ровному полу ступить не могу.

- Я помогать буду. А там, глядишь, и поправишься.

И уже, не дожидаясь её согласия, вскочил, и почти бегом в ординаторскую, искать её лечащего врача. А когда увидел его, тут же потребовал выписать жену.

- Но, как же, - попытался отнекаться лечащий врач, - у вашей жены критическое состояние здоровья. Можем ли мы так рисковать?

- Да, мы не можем, я могу. Вот под мою ответственность, мою жену и выписывайте.

И уже, часа через полтора, они были на железнодорожном вокзале. Тихий, робкий характер жены, просто заставлял её следовать за мужем. Ни в чём ему не прекословя, с большим трудом, зла за ним.

На вокзале, выкупив всё купе на двоих, взял билеты в Яремчу.

Двенадцать часов пути, он не отходил от Веры. На лету ловил каждое её слово, и тут же нёсся его выполнять.

Вот и Карпаты. Яремча, небольшой городок. Найдя хозяина, который согласился взять их на постой, поселились на самой окраине городка.

Вид из окна был замечательный. Горы, густо заросшие сосновым лесом, вздымались до самого неба. И, уже там, далеко-далеко, без леса, и казалось серого цвета, покатые вершины, упирались в небесный свод.

Хозяева, люди не привередливые. Им плотят, они лишний раз и носа к постояльцам не сунут.

При первом знакомстве, рассказали, где у них магазин, где базар. Куда лучше выходить на прогулку.

В первый же день прогулки, Степан с Верой, в полутора километрах от их дома, среди сосен, травы и мха, обнаружили сказочную полянку с широким пнём посередине. Их поразило, что из трещины во пне, рос удивительный алый цветок.

В первый день Вера еле дошла до того места. Второй день, будто было чуть легче. Всё равно, было очень тяжело. Но, покорность и смирение, следовать за мужем, творили своё дело.

Что сказывалось? Природа ли, свежий горный воздух, или умиротворённое состояние духа, но Вера в каждом дне ощущала, как всё больше и больше у неё становится сил.

Так незаметно пролетели две недели. Вера уже уверенно ходила. Не было ни головокружения, ни слабости во всём теле. Щёки порозовели здоровьем. В глазах появился живой блеск. Чаше стала улыбаться. Ощущение небывалой лёгкости во всём теле становилось привычным состоянием.

Когда Вера уже могла свободно передвигаться, она разузнала у хозяев, где у них в городе находится молитвенный дом. И те, с большой охотой поведали ей, где у них католическая церковь, где собираются баптисты, где пятидесятники, где харизматы.

Они признались ей, что-сами-то греко-католики. Но, вполне сочувствуют баптистам, и находят, что те правильно говорят, и их образ жизни во многом отличается от их самих, греко-католиков от самого своего рождения.

Вечером, со страхом в глазах, Вера обратилась к Степану:

- Стёпа, я тут у хозяев узнала, здесь не далеко собираются баптисты на свои собрания. Можно я раз схожу, ну посмотрю на их служение.

До чего же было её удивление, когда Стёпа ответил просто:

- Если хочешь, почему бы и не сходить. Кстати, я не раз о них слышал. Но, ни разу не был на этих служениях. Если желаешь, давай сходим вместе.

И вот воскресение. Степан и Вера вошли в здание, которое когда-то было домом культуры какого-то там развалившегося завода.

Вера, казалось, ничему не удивлялась. Степана же поражало всё. «Что это за церковь, - думал он про себя, - ни икон, ни свечек». Поразили его люди. Не знакомые вовсе. Но, просто и открыто им улыбались. Подходили, пожимали руки, приветствовали, некоторые даже обняли Степана, как очень близкого человека. «И чем я заслужил такого внимания?», удивлялся Степан.

Очень понравилось ему, как пела церковь. С какой любовью звучали те простые слова песен, каких он в жизни не слышал. Молитвы ему не очень понравились. Хотя, и они о чём-то заставили его задуматься.

Но, больше всего его поразило, когда к кафедре подошёл человек, в простом костюме, без ризы и других священнических одежд. И стал рассказывать всем присутствующим о любви Господа, о том, как Он желает спасти всех. И, уже завершая свою проповедь, призвал:

- Господь был бит страдал и был распят за тебя, дорогая душа. Он и сейчас взывает через толщу тысячелетий: «Приди ко Мне...». Если душа зовёт, выходи, признайся Господу, что ты нуждаешься в Нём. И Он примет тебя, подарит тебе мир и покой в твоё сердце. И обретёшь жизнь вечную.

И эти слова, простые бесхитростные, падали золотыми зёрнами в самое сердце Степана Ивановича. И он, где-то там внутри себя понимал, что пастор говорил именно ему. И хоть на ноги были прицеплены будто пудовые гири, он встал и пошёл к кафедре. Губы шептали лишь одно: Прости Господи, прости Господи!

И уже совершенно сбило с толку, чему эти люди так радуются? Пастор жмёт его руку, обнимает. Хор же поёт торжественный гимн в его честь.

Проходя на своё место, почти каждый протягивал ему руку для пожатия, говоря ему «Мир тебе, поздравляю тебя брат мой».

Когда возвращались домой, Степан спросил:

- Вера, ты то понимаешь, что произошло?

- А произошло, дорогой Степан, что Бог сегодня ответил на мою молитву, которой уже долгие годы, я молилась за тебя.

Степан на миг остановился, как остолбенел. Оказывается, он долгие годы жил с баптисткой, даже не подозревая об этом. До чего же он мало интересовался, что происходило в его семье. Отойдя от такого состояния, обнял свою жену:

- Спасибо тебе дорогая за твоё такое долгое терпение.

И пришло время, когда Степан предложил:

- Всё Вера, нам пора возвращаться.

И снова Прилуцк. В первый же день приезда, пришёл следователь.

- Вы, Степан Иванович, очень опрометчиво поступили, что так на долго отлучились из города. Вот постановление прокурора взять вас под стражу, и уже никакие поручительства за вас не помогут. До суда вам придётся находиться в СИЗО.

- В СИЗО, так в СИЗО, - равнодушно ответил Степан.

- Как в СИЗО?! - испугано глядя на мужа, воскликнула Вера.

- Не волнуйся Вера, я там долго не буду. Может чуть позже и встретимся.

Такая самоуверенность мужа, почему-то очень смутила Веру. Какое-то тревожное чувство острой иглой укололо сердце.

- Стёпа, ты так говоришь, будто прощаешься. Только вроде бы жить стала, и уже всё, разлука?

- Вера, ты придёшь ко мне. Сына нашего, Костю, я для тебя перевожу в Прилуцк. Он будет с тобой в твои последние дни. А мне уже пора, пришло время.

Степан Иванович спокойно оделся, не беря с собой ничего, что обычно собирают, когда отправляются в места, не столь отдалённые.

И когда Вера бросилась собирать в дорогу хоть что-то поесть, хоть какую тёплую одежду, Степан остановил её:

Не хлопочи Вера, - сказал он тёплым, ласковым тоном, что было ему совершенно не свойственно раньше, - мне всё это уже не понадобится.

Степана привезли в КПЗ, через три дня должен был идти этап в СИЗО. Но, ночью истёк срок три месяца, данный ему ангелом.

Утром, поднялись все заключённые. При проверке, когда в камеру вошёл капитан с подручными, Степан Иванович не встал на проверку. Он лежал на нарах, с блаженной улыбкой на устах, как будто видел что-то до того замечательное, что умилился, даже в момент смерти, было не удержаться.

И вот...

Снова Степан Иванович оказался в вагоне. В его купе всё так же находилась проводница.

- Ну что, теперь я в самый раз? – спросил он у вагновожатой.

- Вы же сами знаете, - ласково улыбнулась ему проводница, - теперь смотрите в окно.

А за окном медленно проплывали его похороны. Он видел побледневшую Веру с заплаканным лицом, сына с его женой Наташей и внуком, которого тоже называли Костей.

Может быть надо было переживать, как убиваются горем о нём жена сын с невесткой и внуком. Но, в окно он видел, как чужое кино не про него, а кого-то совершенно постороннего человека, хотя очень похожего на него.

Так же он увидел и следующие похороны. Хоронили Веру. Пережила она мужа всего полгода. И уже рядом у окна вагона, с тем же равнодушием, как и её муж, смотрела на слёзы родных и близких.

Глава 2 Начало успеха.

В прошлом, которое, вроде бы было и не давно, а может быть и вечность назад, Василий был знаменитым спортсменом, теннисистом.

Автор плохо разбирается в теннисе. Даже из всех терминов этого вида спорта знает всего: корт, ракетка, мячик. А что там дальше? Но, думаю, чтобы рассказать историю Василия, больших знаний о том виде спорта, мне и не потребуется.

И так, когда-то Василий был знаменитым теннисистом. Золотая ракетка Европы.

Начал он свою карьеру в школьные годы. Зашёл как-то в «Дворец пионеров». Там, на заднем дворе, был оборудован корт. Может быть, этот вид спорта, его не слишком заинтересовал. Но, в тот момент, на корте была Елена, которая отрабатывала подачу со своим тренером. Вид девушки, которая была на три года старше его, пленил паренька. Белая форма, мини юбочка, из-под которой постоянно виднелись белые плавки, при каждой её подачи меча, ошеломили фантазию мальчика. А так, как на большее у него фантазии не хватало, то он, в перерыве, подошёл к тренеру и попросил:

- А можно и мне как-то научиться играть?

Тренер смерил паренька оценивающим критическим взглядом. Потом, подойдя, пощупал его мышцы на руках, о чём-то немного подумал, и ответил:

- А что, можно попробовать? Раньше, когда-нибудь держал ракетку в руках?

- Ну, в настольном теннисе пробовал. Ещё, несколько раз играл в бадминтон.

- Значит, полный ноль. Ну что же, физически ты сложен хорошо для своих лет. Приходи, попробуем. Завтра в десять, жду.

Первые тренировки тяжело давались Васе. Мяч упорно летел в сетку. Через пять минут, ракетка вдруг становилась весом до пуда. А когда и удавалось запустить мяч на сторону противника, получая его назад, не мог попасть, в казалось бы, по не быстро летящему мячу.

Помощи тренера, он как будто бы и не ощущал. Только одни и те же команды:

- Сосредоточься. Жёстче, точнее. Выровнял ракетку. Прямой держи ракетку. Жёстче принял.

После корта, тренировка в спорт зале. Бег, подтягивание, отжимание. Работа на тренажёрах. Следом душевая и уже вымотанный домой.

Но, всякий раз, когда он приходил в Дом пионеров на корт, было одно желание – увидеть там Елену. И редко это происходило. Но, всякий раз, когда он её видел, щемящее чувство не ведомой неги, сковывало его.

Так пролетали месяцы. Пришла пора и внутриклубных соревнований. Все сеты в этих матчах он проиграл под чистую и в ноль. Юноши, которые выступали против него, были хорошо подготовленные. И, какое-то отчаяние пробудило в нём упорство. Ко всему, ему так хотелось понравится той Елене, что он готов был корт грызть зубами.

С удвоенным усилием стал заниматься в спортзале. С яростью подходил к тренажёрам. И пришло время, когда уже не был так вымотан тренировками. Удары стали жёстче, точнее. Ракетка не казалось такой тяжёлой.

Вновь внутриклубные соревнования. В этот раз ему удалось выиграть несколько геймов в разных сетях. И это можно было поставить ему в заслугу и зачесть, как успех.

Так продолжалось два года. И вот, областные соревнования. И, чудо, он занимает второе место! Ликование в семье. Ликование в школе. Тут и пора выпускных экзаменов. А он к ним был совершенно не готов.

Со своими переживаниями он поделился с тренером. Тот только молча похлопал Василия по плечу. И вот те экзамены. Василий не сомневался, что пройдёт. Все их он сдал, как единым духом. Ему и в голову не пришло, что от тренера был всего один звонок директору школы, и вопрос с экзаменами был решён положительно.

Сразу после экзаменов, сборы. Поехали на турбазу «Вильховка». Жили в деревянных домиках. Каждое утро пробежка по сосновому лесу. Вечером, вся команда сходилась к костру. Пели под гитару, пекли картошку. Много шутили.

Но, что самое главное, теперь он мог видеть Елену каждый день. Однако, что-то мало радости ему эти встречи приносили. Елена была очень увлечена Костиком. Так называли весёлого парня, балагура и того, кто был, как говорят, душой компании. Хорошо играл на гитаре, пел, знал почти весь репертуар Высоцкого.

Конечно, на фоне этого парня, очень блекло выглядел Вася. И он решил, что непременно должен выиграть эти соревнования. Особенно у того Костика.

И наконец, пришёл день соревнований.

Как-то легко и просто удалось Василию обыграть трёх соперников из соседних районов. Предстоял финал. А, в финале, как раз и надо было Василию встретиться с Костиком. Тот, так же уверенно вошёл в финал, обыграв своих соперников.

Игра была на равных. Зрители были в восторге. Такого напряжения на корте уже давно никто не испытывал. И вот, последний решающий гейм. Василий принимает от Костика крученный мяч, умело его парирует. И, уже на стороне Костика случается то, что можно назвать чудом, Константин не может принять этот мяч. Гейм проигран, а вместе с ним и вся партия.

Ликование трибун, ликования самого Василия. И, в то же самое время, его разочарование. Елена подошла к Косте, обняла и, видимо, стремясь утешить его, говорила что-то ласковое, приятное.

Пьедестал, почётная первая ступень, кубок, вручённый Василию. Аплодисменты, радостные выкрики. Но, что-то ничего из этого не радовало Василия. Вместо вкуса победы, он ощущал только горечь поражения.

Короткий миг.

Дальше всё происходило как в нереальном сне.

Василия приняли в энергетический институт, практически без экзаменов. На лекции он, естественно не ходил. С сессиях ему автоматом ставили зачёты. Время своё он проводил на корте и в спортзале. Впереди его ждали европейские соревнования.

Вообще-то, в СССР не было профессионального спорта. Не смотря на это, ни один более-менее стоящий спортсмен ни одного дня не выходил на место работы или учёбы, в которых числился. Лишь три обстоятельства могли их заставить появиться на том месте, где они действительно числились. Это: спортсмен сходил с дистанции, (запивал, зазнавался, совершал какое-либо преступление), и таких случаев было немало. Второе: возраст уже не позволял ему продолжать свою спортивную карьеру. Тоже не очень хорошо для спортсмена. В лучшем случае, такой становился тренером. Или набирался мужества и заканчивал институт, если там учился. Или, уже выходил на тот завод или фабрику, и ему с нуля приходилось осваивать ту профессию на предприятии, которое годы его спортивной карьеры, исправно платил ему деньги.

Третий случай, если спортсмен становился инвалидом, получая травму в соревнованиях. И это, именно тот случай, когда ему не надо было доучиваться в том институте, в котором он числился, или выходить на то предприятие, чтобы осваивать профессию, которую по сути, за него выбрали. Вот так выглядел профессиональный спорт в СССР.

Василий не знал всего этого. И ещё не пришла пора столкнуться со всеми этими проблемами. Единственная проблема Василия, была Елена.

Став чемпионом, вокруг себя он не ощущал не недостаток девиц. Автографы, прозрачные намёки, случайные связи, всего этого у него оказалось в избытке. Но, вот с Еленой ничего не получалось. Он к ней и так и эдак подкатывался. Она, как-то холодно отклоняла все его ухаживания. Сама в теннисе не добилась особых успехов. Играла так, в своё удовольствие. Закончила НИИ, работала в конструкторском бюро на каком-то предприятии, копировальщицей. Посредственная жизнь, посредственного советского человека.

Костя, после своего проигрыша Василию, так же очень охладил к теннису. Устроился таксистом о один из таксопарков. Завелись деньжата. С Еленой встречался не часто. На корте появлялся и того реже. Досуг проводил в ресторанах, вечера в кругу дешёвых девиц, распевая им песни Высоцкого. И, в свою смену, полсуток за «баранкой» «Волги», колеся по городу.

Тем временем, Василий успешно продолжал свою спортивную карьеру. Выиграл чемпионат Европы тысяча девятсот-такого-то года. Тренер стал его готовить к олимпийским играм тоже такого-то года. В местных соревнованиях Василию не было равных. Адреналина поубавилось. И, хоть на вершине славы, довольно скучная жизнь. Даже описывать нечего. И держало Василия в струе, только то, что необходимо было готовиться к олимпийским играм.

Мне лень копаться в истории тенниса. Знаю, что в тот период у СССР не было уж очень выдающихся спортсменов мирового уровня. Потому, мой вымышленный Вася и не мог занять в этом турнире какие-то высокие места и титулы. Проще было бы с Еленой. Всё-таки женский прототип мог бы претендовать на что-то выдающееся, особенно благодаря турниру «Четырёх шлемов».

Но, вот, судьба подбросила сюжет о Васе. Он и поехал на этот турнир в составе команды, которая была наспех собрана в период уже распадающегося СССР.

У мало известных, ничего не значащих соперников, он выиграл.

И вот поединок, который сломал судьбу Василия напрочь. Во время очередных соревнований, какой-то фанатик с трибун, выбрасывает на корт складной стул. И тот, по иронии судьбы, в воздухе раскрывается и, боком попадает на корт как раз в тот момент, когда Василий принимал мяч в падении. И тот, попадает спиной на этот стул, и уже не может самостоятельно подняться с корта.

Больница, врачи определили мелиотополирадионеврит (перебитый нерв в зоне позвоночника), месяц лечения в больнице, перевоз его на родину и инвалидное кресло в итоге.

Таким образом в 21 год, Василий становится инвалидом 1 группы.

Крохи счастья.

Что и говорить, по началу полное отчаяние, даже мысли о суициде, овладевали Василием. Долгие месяцы пришлось приспособливаться к новым условиям жизни. Даже те вещи, на которые в нормальной жизни, такие, как посещение туалета, и те пришлось осваивать заново.

Очень, в тот момент помогли поддержка матери и отца. Те окружили его заботой буквально во всём. С другой стороны, это и угнетало Василия.

Когда немного справился с болезнью, перестали постоянные боли в позвоночнике, уже нормально стал ощущать себя в инвалидной коляске, стали появляться мысли: чем бы полезным можно было заняться.

Видел по телевизору, как ему подобные рисуют, устраивают выставки. Даже те, кто пострадал в этой жизни более, чем он, без рук вовсе, рисует, держа карандаш или кисть в зубах. И, при этом, полны жизнерадостности и оптимизма.

Решил себя попробовать в этом направлении. Но, оказалось, что его таланта даже на какую-нибудь карикатуру не достаёт. Взялся писать стихи. Но и они получались какие-то корявые, по-детски наивные, без особого смысла и вдохновения. Пытался что-то мастерить. Но и тут полное фиаско.

И так, в полной растерянности, понимая свою окончательную несостоятельность, Василий проводил все дни. Телевизор уже и включать не хотелось. Те рекламы за чудодейственные лекарства доставали до основания. А реклама водки или пива, ввергали его в бурю негодования. Некоторое облегчение приносили книги. В них он погружался в мир фантазии. Мог переживать за героев, преодолевая их трудности и приключения.

И так, пролетали не месяцы, а годы. И уже как-то свыкся Вася со своей серой жизнью.

Но, вот случилось что-то такое, что заставило Василия по-новому пересмотреть всю свою жизнь. И, заново искать в ней смысл.

Это отец как-то принёс в дом Новый Завет. Принёс и так небрежно бросил на стол:

- На площади какие-то чудаки раздавали бесплатно. Что-то мне там пытались внедрить в мозги о Иисусе Христе, будто бы Он один, кто может меня понять и помочь мне. Что, по-ихнему, если я в Него уверую, то мне и работать не надо. Так, всё само в мою жизнь валиться будет. Исцелит Он моего Ваську? Тот что, бегать станет?

- Папа, а ты что, уже читал эту книгу? Пробовал что-то из неё? - робко спросил Василий отца.

- Да что там пробовать! Забивают людям голову этой чушью, чтобы тем, кто в верхах лучше и спокойней жилось. Ведь у них как, дали по щеке, ставь следующую. И что, я позволю себя бить каждому?

Василий взял в руки книгу. Синяя, крест на обложке и золотистыми буквами вытеснено Новый Завет. Что-то внутри сжалось, и какая-то приятная истома появилась внутри его.

- Папа, я почитаю эту книгу.

- Читай, а то ещё чем тебе заняться.

Тем и завершился их разговор на духовные темы.

Василий же, с каким-то неистовым упоением принялся читать Новый Завет. Евангелие за Евангелием. Послание за посланием. Читая, как-то ярко, в картинках, представлял все события.

До глубины сердца тронула его сцена распятия, особенно прощение преступника на кресте. Но, даже с таким ярким представлением событий, он ничего из написанного не воспринял. Не мог сразу Василий увязать описанное в Новом Завете с собой, со своей жизнью. Только какая-то смутная догадка постоянно его тревожила, что всё написанное там, каким-то образом касается его лично.

Выбравшись, в очередной раз на прогулку, на коляске, решил добраться до Храма. Но, когда он туда прибыл с трудом пробираясь через бордюры и другие препятствия, перед ним встала совершенно не преодолимая лестница, которая вела к заветной двери входа в Храм. Василий встал в растерянности, как туда попасть? Казалось лестница вела в сами небеса.

Так, стоя в растерянности сразу и не обратил внимания, что, проходящие мимо люди, прямо ему на колени, бросали деньги. Опомившись от очередной неудачи его замысла, воспротивился:

- Люди, да вы что? Я не для того тут. Лучше помогите мне попасть внутрь Храма. Я хочу со священником поговорить.

Но, на его крики почему-то никто не обращал никакого внимания.

Случилось же так, что в этот час мимо проходил один из служителей Храма. Он подошёл к Василию и спросил:

- Что же ты кричишь, блаженный? Подаяния ты уже получил. Вот бы и ехал домой. Дело ли, народ смущать.

- Я же не за подаянием приехал. Мне бы к Господу. Я к Иисусу хочу.

- Эко забрало блаженного! Всеми своё время. Хочешь к Господу, будешь у Господа. Но, видимо, ещё не пришёл твой срок. Давай, давай любезный, езжай.

- Но, я туда хочу, - указал Василий на ворота Храма. Помолиться, может какую свечку поставить. Я не знаю, что надо, чтобы Господь меня принял. Вот вы и посоветуйте.

Казалось, священнослужитель на какой-то миг задумался. Но, видимо, перспектива, тащить Василия на коляске по крутым ступеням, его никак не устраивала. Просить прихожан, которых было вообще-то достаточно, чтобы помочь, ему даже в голову не пришло. А те, не зная причины того, что происходит между попом и инвалидом, равнодушно проходили мимо. И, поп принял решение:

- Вот что, болезный, сейчас служба, не до тебя. Приди как-то в другой раз. Там что-нибудь придумает. А пока, с Богом любезный, не смущай народ православный.

Что оставалось Василию? Понутив голову, он покатил от Храма. И это была первая попытка встретиться с Господом.

Но, не дремлет око Божье в небесах. Однажды, прогуливаясь возле ДК, где он когда-то начинал свою карьеру, как теннисист, он увидел толку народа, которые входили в боковую дверь дома культуры. Движимый любопытством, он подъехал поближе. На входной двери была надпись, сделанная на отполированной и лакированной доске: «Дом молитвы церковь «Благодать»». Подъехав к одному из мужчин, который тоже собирался войти в здание, робко спросил:

- Как понять, «церковь»? А где крест, а образы? И, что значит «благодать»?

Какой-то миг мужчина стоял с вопросом в глазах, соображая, что ответить этому парню. Наконец, приняв решение, сказал:

- А что, к примеру, тебе мешает самому войти в ту дверь и узнать самому увидев всё?

- А, можно?

- Чего же нет!

Мужчина встал за коляской, взялся за ручки и повёз Василия в дверь. У самого порога к тому подошли ещё несколько молодых парней и помогли вкатить Василия в помещение.

Помещение, в которое ввезли Василия, оказалось простым актовым залом. Ряды стульев с откидывающимися сидениями. Обычная сцена, на которой стояло несколько микрофонов и была подобие трибуны, но с крестом на её обшивке, со словами, расположенными по лицевой стороне: «Благодатью вы спасены... Еф. 2:8».

Василия подкатили к сцене, к первым рядам зала.

Через какое-то время, на сцене появились молодые парни и девушки, зазвучала музыка и они запели. Пели что-то прославляющее Господа, о том, как они любят Его и благодарили за дар спасения.

Песни следовали одна за другой, и зал подхватывал их и образовывался как бы единый хор. Неведомое волнение и восхищение охватили Василия от этого пения.

Пение прекратилось, вышел немолодой, хорошо одетый человек, поприветствовал церковь, сказал о верности и своей любви, напомнив, что Божья любовь к ним куда больше и бездонней любой, даже очень сильной человеческой любви. И потому, им надо склонить головы для молитвы и благодарения.

Зал дружно встал, и этот человек произносил слова, которые трудно доходили до Василия, но, тем не менее, очень будоражили его сердце. В завершении весь зал сказал: «Аминь!»

Василий плохо помнил всё служение. Какая-то пелена, будто опустилась на его мозг. Однако, поразила его проповедь, прозвучавшая от того же немолодого человека. Он говорил о притче «Добрый самарянин». Себя он видел в том несчастном, которого ограбили, раздели и бросили у дороге. И, во многих, кто встречался в его жизни, он видел в ком фарисея, в ком левита. И жалостью к себе сжимало его сердце.

Другие, звучавшие с кафедры проповеди, он очень мало понял. Но, что-то и из них засело в его голове. Звучали молитвы, ещё пение. И вот завершающая молитва. В конце, пастор (это тот немолодой человек), обратившись в зал, спросил:

- Кто ещё не примирился с Господом, можете выйти к подиуму, и в молитве покаяния, отдать Ему себя, свою жизнь и сердце для Господа. Взамен, Он тут же подарит вам жизнь вечную, начала которой будет от этой кафедры, и до бесконечности.

Внутри Василия, что-то сжалось. Руки были готовы двинуть колёса вперёд. Но, какая-то неведомая сила удержала его на месте.

Закончилось служение. К Василию подходили совершенно не знакомые люди. С блеском доброты и любви в глазах, пожимали ему руку. Спрашивали и о том, давно ли он с Господом, и какие церкви уже посетил. Узнавая, что

Василий первый раз в собрании, просили его ещё и ещё приходить. А тот человек, который помог Василию попасть в эту церковь, вызвался довести его до дома.

Обретение смысла.

Не забываем был тот вечер. Впервые Василием кто-то искренне заинтересовался. Николай, так звали того человека, который помог Василию попасть в церковь «Благодать», и потом, провёл с ним весь вечер, провожая до дома.

Расспросил Васю о его жизни, как тот стал инвалидом. О семье. Казалось, что в жизни Василия не было того, чтобы не интересовало Николая.

И позже, когда Василий вспоминал тот день, то ощущение не бывалой лёгкости, какой-то особой чистоты, вновь и вновь захлёстывали его сердце.

Так Вася стал посещать церковь «Благодать». В новом свете ему стали открываться и Евангелия, и послания. По истечении месяца, пастор подарил ему Библию. Радости Василия не было границ!

Через три месяца Василий выехал к кафедре с покаянием. До того, он никак в толк не мог взять, в чём же он грешен? Занимаясь спортом, не пил, не курил. С плохими компаниями не связывался. Из его уст редко можно было услышать грубое слово. А уж о мате и речи быть не могло. Так было заведено в семье, и Василий следовал семейному устою.

И вот, слушая проповедь пастора о семенах и плевелах, в которой он очень доступно объяснил, что значит семя, что значит плевел. Ярko это показал на примере разных людей. И тогда до его сердца дошло, что это он мог бы оказаться тем плевелом. И страшно ему стало, что он может оказаться в огне вечном.

В семье же, спокойно приняли весть о том, что Вася посещает протестантскую церковь. И мать, и отец просто подумали: «Наиграется, оставит. А чем ещё ребёнку заняться?» Но, когда Василий сказал им, что собирается принимать водное крещение, вот тут и началось:

- Ты что сын, - кричал отец, - со штундами связался? Они уже запудрили твои мозги? А потом квартиру попросят, или ещё что-то. Разве не слышал, сколько по телевизору показывают тех сектантов, которые того и гляди, где бы на дураках разжиться.

И мать вторила ему:

- Сынок, мы же тебя крестили в младенчестве. Ещё жив твой крёстный. Ты что, предаёшь свою веру?

Василий слабо сопротивлялся:

- Папа, какие штунды? Ты хоть знаешь, как это слово переводится на русский язык? Это, в своё время, когда были немецкие поселения. Те, идя на собрание, кричали по селу, или где они находились: «Штунде, штунде», то есть, час молится.

А крещение в младенчестве, это же обряд. Когда как, истинное крещение – это как клятва Богу, хранить себя в чистой совести. Мог в младенчестве я дать клятву? Да и во имя кого ты меня крестила? Во имя Господа Иисуса Христа. Так и баптисты верят в Господа Иисуса Христа. Где же ты тут усматриваешь предательство?

- Всё равно, - не сдавалась мать, - наши пращурьы были православные. А не эта американская вера.

- А, что, в России, в Украине, в Белоруссии не было баптистов? Мама, ты грамотная женщина, институт закончила, почитай историю христианства. Только не ту, которую в СССР издавали. И не те учебные пособия, которые вам преподавали по атеизму.

И так, приблизительно в той же интерпретации, повторялось изо дня в день, где-то на протяжении недели. Но, Василий не сдавался. И родителям ничего не оставалось, как махнуть рукой.

Тем не менее, и они заметили, как изменялся их сын. В глазах появился блеск жизни. В манерах, какая-то мягкость. Он был предельно внимателен, всегда готовый прийти на помощь даже в своей немощи, делал всё, что могла его рука. Похоже, всё это успокаивало их, и они окончательно смирились с выбором сына.

Наступил день крещения. В этот прекрасный июльский солнечный день принимали крещение в церкви «Благодать» десять человек. Среди тех, кто решил принять водное крещение была и Вера, жена большого начальника. Когда Василий узнал, что она жена начальника главка, очень удивился. Скромная, лишней раз глаз на человека не поднимет, когда с кем разговаривает. Всегда одета очень скромно. Если другие сёстры позволяли себе некоторые вольности в одежде, то сестра Вера всегда была в приличных костюмах, юбка пиджак блузка. И, не смотря на её скромность, возле неё всегда чувствовалось какое-то спокойствие, небывалая сила как бы заставляла тебя чувствовать себя уверенным в себя.

Пришли на берег и родители Василия. Отец даже хотел сопровождать его в воду, толкая коляску. Но, первое, что сам Вася отказался от его помощи. Второе: разве было бы человеку под силу спихнуть коляску по пляжному песку?

Потому, два крепких брата, взяли коляску на руки, и занесли Василия в реку. Пастору пришлось немного выйти из глубины воды, чтобы коляска стояла на дне так, что Василию вода доходила до плеч.

- Веришь ли ты, что Господь – есть Бог? – громко, чтобы слышно было даже на берегу, спросил пастор у Васи.

- Верю!

- Крещу тебя во Имя Отца Сына и Святого Духа!

Только Василий собрался сказать привычное «аминь», как пастор ловко перевернул коляску в воду, придерживая Василия одной рукой за спину, другой за грудь, и тут же поставил коляску на колёса.

На берегу группа прославления запела гимн:

Все вы, во Христа крестившиеся

Во Христе родились.

Братья подняли коляску и вынесли Василия на берег, на травку, где почва была потвёрже. И вот тут уже Василий не отказался от помощи отца, который помог ему добраться до специальной палатке, где Василий смог скинуть мокрую одежду, переодеться в сухую, и пересесть на сухую коляску, которую заботливо приготовили для него предусмотрительные братья.

Когда все, кто был намечен для крещения, прошли процедуру водопогружения, переоделись в сухую одежду, пастор ещё раз всех поздравил с этим знаменательным событием, и громко в микрофон, стал говорить короткую проповедь.

Он ещё раз объяснил, что это не просто ритуал, а клятва, данная на века в верности Господу. И, что наряду с честью, которой каждый из крещаемых удосужился, они получили от Господа залог вечной жизни.

- Господь назвал тех, кто не верует в него – безумцами «и сказал безумец в сердце своём: «нет Бога» Псалом 13 первый стих. И, на что надеется человек? На то, что когда придёт его время встать перед Богом, он как-нибудь проскочит? Или, в душе, в её тайниках, надеется, что всё-таки, там, за гранью жизни, ничего нет?

Так вот, в Библии говорится, что такой человек безумный. И когда придёт время, и он действительно встретится с Богом, что же тогда? Ведь тогда уже ничего не изменишь.

Пастор ещё говорил, приводил и места из Писания, и примеры из жизни. Но, мать Василия уже не могла ничего слушать. Какая-то, до селе не ведомая тревога закралась в её сердце. А вдруг действительно, всё, что мы отрицаем, на самом деле есть?

Было ещё и собрание в церкви, где крещаемым подарили памятные подарки, было их первое причастие. И снова поздравления. И Василий сиял. Мать с отцом провели время с ним, побывав на служении. И, если отец как-то весьма равнодушно отнёсся как к проповедям, так и ко всему происходящему вокруг, то мать была очень задумчивой.

В следующее воскресенье она пошла с сыном, сказав отцу:

- Сколько мальчик может ездить сам? Я, хоть сколько помогу ему.

И так стало повторяться каждое воскресенье. А, через полгода мать покаялась. Достали её и проповеди, и поведение верующих, излучающих любовь и доброту, и песни, которые надёжно трогали душу.

Спустя год и мать приняла водное крещение. И ещё понадобилось три года, пока и отец обрёл мудрость от Господа. Видя явные изменения и в жене, и в сыне, стал под любящую и спасающую руку Господа.

И триумф, и конец.

Духовная жизнь Василия обретала всё большую силу. Он и с братьями гедеоновцами посещал больницы. Он принимал участие в малой группе. Выезжал и на евангелизационные служения. И сам много учился. Часами просиживая за чтением Библии.

Несколько раз пастор дал Васе возможность проповедовать перед церковью. Честно сказать, проповедь оказалось не Васиной ампулой. Хотя в его проповеди и было рациональное зерно, и смысл был, и назидательно. Но они у него получались как-то сухо, как в учебнике.

Это понимал и сам Василий. Но, он успокаивал себя: «Не каждому ведь дано сладословие и сладозвучие», - отшучивался он.

Но, больше всего ему запомнилась одна евангелизация в селе Коровино.

В сельский клуб собралось около двух десятков человек. Их привлекло, что, после выступления верующих, будет дан христианский концерт и потом праздничный ужин.

Надо отдать им должное, слушали внимательно. Их устраивали и проповеди, и свидетельства.

Когда, со своим свидетельством вышел Василий, то его взгляд привлёк к себе молодой мужчина, сидевший в первом ряду на инвалидной коляске, в которой, с одной стороны были прикреплены и костыли. Колошина брюк на одной ноге была подоткнута. Видимо у того не было одной ноги. Одет он был в костюм защитного образца, видимо бывший военный. На всех он смотрел с презрительной ухмылкой. В глазах его было нескрываемое недоверие. И когда Василий рассказывал о своей жизни и как он пришёл к Господу, тот человек изрёк: «Подумаешь! Ты бы прошёл тот ад, в котором я побывал. Тогда бы я посмотрел, как бы ты сейчас распинаяся».

С виду, Василий никак не смутился на эту реплику. Спокойно завершил своё выступление. После чего, спокойно подкатил к тому инвалиду:

- Вы, наверное, воевали? – обратился Василий к нему.

- Афган, - коротко ответил тот.

- Да, сочувствую. Мне воевать не пришлось. Даже в армии служить не довелось. Вот так, круто со мной обошлась судьба. Повезло. Но, поверь друг, лучше бы я был на войне, или в армии, или ещё где бы то ни было, но на своих ногах.

А так, кому я такой нужен? Ни с девушкой познакомиться, ни с друзьями куда-то в поход сходить.

Зато я знаю, что есть Господь, которому я совершенно не безразличен. Знаю, что придёт тот час, когда я с Ним встречусь на Небесах. Там я буду на обеих ногах, там я буду нужен Ему. Ибо, смог быть верен в малом. И всё самое прекрасное Он даст мне.

Когда Василий говорил это, глаза его светились такой добротой и любовью, что от них не возможно было отвести взгляд.

- А теперь подумай, за чью идею ты воевал? Чьи интересы защищал? И, что ты можешь сказать Господу, когда встанешь перед Ним? Покажешь ли Ему свои боевые награды?

- А почему ты решил, что я встану перед Господом?

- «Ибо написано: живу Я, говорит Господь, предо Мною преклонится всякое колено, и всякий язык будет исповедывать Бога».

Здесь исключений нет. Ибо написано: «... всякое колено и всякий язык...». Вот как тебя звать?

- Фёдор.

- Так вот, не сказано: «А за Фёдора не говорю, он исключение».

- Подожди, почему ты всё так уверенно утверждаешь?

- Простая логика. Вселенная существует руководствуясь определённым законам? Смотри, сколько звёзд, галактик. Все они вращаются по своим орбитам. Вращаются вечно не имея ни двигателей, ни каких других приспособлений. И так вращаются, что никогда не могут столкнуться друг с другом. Не исключение и наша Земля.

Не люди это придумали.

А другие законы: математика, физика, химия. Всё живёт по тем законам. И это же не люди выдумали. На свидетельство всего этого, что Кто-то дал эти законы и строго следит за их исполнением.

Уж на крайний случай, моральный кодекс строителей коммунизма, в нём моральные принципы. Это, тоже, своего рода, закон. И те, полностью взяты из Библии. Получается, что и в астрономии, и физике с химией и математикой, и духовные (моральные законы) подчинены некоему высшему закону, не людьми придуманному. Это ли не свидетельство существования Бога?

- Да, оспорить сложно.

- Но, ведь и смысл жизни меняется, когда ты веришь. Сейчас как твоя жизнь протекает. Думаю, большей частью за чаркой.

- Угадал.

- Значит, Фёдор, думай. Я же буду молиться о тебе к Господу, чтобы Он посетил твоё сердце.

На том беседа Василия и Фёдора завершилась.

Конечно же Вася сдержал слово, он постоянно молился за Фёдора и его село Коровино, чтобы в нём было великой Божье пробуждение.

И не судьба была Василию узнать, что через три года в этом селе, появилась новая баптистская церковь, пастором которой стал брат Фёдор Ерофеевич Гусин, инвалид первой группы, герой Афганистана.

В один пасмурный осенний день, Василий ехал по городу на своей коляске, как увидел возле одного из гастрономов Лену.

Прежнюю Лену теннисистку в ней трудно было узнать. Неопрятно одетая, обрюзгшее, некогда симпатичное лицо. Не здоровый румянец на щеках.

Василий так и замер от увиденного. Ведь уже немало лет он её ни видел, ни слышал о ней.

Лена тоже узнала Василия. И, не твёрдой покачивающейся походкой направилась к нему:

- Васечка, сколько лет, сколько зим? – она нагнулась над ним.

Рьяный перегар пахнул в нос Василию. Тот даже отшатнулся от неё.

- Васечка, а ты хорошо выглядишь. Может угостишь даму бутылочкой пива.

От такой беспринципности Василий опешил. Первые минуты не мог произнести ни слова. Ведь он помнил Елену весёлой и скромной девушкой. И пусть в теннисе она не достигла высоких результатов, но по ней никогда не было видно, что её это как-то удручает. Что же так сломало некогда красивую Елену? На этот вопрос Василий не смог бы никогда получить ответ. Ведь та назойливо пыталась его обнять. И Василий, изо всех сил, как это только можно в инвалидной коляске, пытался вырваться от неё. Разняв её руки, с усилием оттолкнул её. Но, сам не удержав равновесие, опрокинулся на бок (что очень редко бывает в инвалидных колясках), и так, как стоял не далеко от края пешеходного асфальта, вылетел на проезжую часть. И вылетел так неудачно, что тут же угодил под проносившийся мимо автомобиль.

Врач скорой помощи, прибывшей на место происшествия констатировал смерть.

Лена же, видя случившееся, тут же отрезвела и быстро сбежала с места события. Прибывшая полиция не отыскала свидетелей падения, как всё произошло, списала всё на несчастный случай и закрыли дело.

Матери с отцом, похоронившим сына, пришлось смириться с мыслью, что «...Ибо для меня жизнь - Христос, и смерть –приобретение».

И вот, знакомый вагон. Василий сидит у окна.

Его никак не трогают похороны. С отсутствующим видом он смотрит на происходящее.

Убивающаяся горем, всё в чёрном мать. Даже отец не сдерживает слёзы.

А он катит в вечность, он катит к Господу, Которому, пусть даже короткое время, но верой и правдой он служил последние годы своей жизни.

Глава 3 Жирдяй.

Эдик родился красивым полным мальчиком. Вес его был 5,800. В роддоме все ахнули: «С таким весом и смотри-ка, здоровенький парнишка!»

И мама, и папа, души не чаяли в своём чаде. Он рос спокойным ребёнком. Даже в младенчестве не слишком допекал своих родителей. Крик поднимал лишь тогда, когда хотел есть, или, когда очень просил, чтобы ему поменяли пелёнки. И, аппетит имел с самого рождения, богатырский. И лишь в три года, врачи обнаружили, что ребёнок растёт с врождённым пороком сердца.

Вот тогда и начались его муки. Его начали опекать с такой яростью, что ребёнок и шага без разного рода предупреждений и упрёков не обходился. «Эдик, не бегай», «Эдик, туда не лезь», «Эдик, столько не поднимай», «Эдик, этого не ешь», «Эдик, этого нельзя»... . И так вереницей изо дня в день. И так, как он по своей натуре был робким и застенчивым, то и покорностью отличался завидной. А от малоподвижной жизни, и от аккуратно соблюдаемой диеты, стал полнеть.

Когда же выходил во двор, не спеша переваливаясь с ноги на ногу, дети смеялись и дразнили его «Смотрите, жирюга, ого, какой жирный!»

Тот смотрел на детей добродушными глазами и только улыбался в ответ. Когда как исследователи этого заболевания, якобы наблюдали, что дети с таким диагнозом очень нервны и озлоблены.

Отец Эдика низкорослый, щупленький мужчина с очень раздражительным характером. Трудно сказать, что на его характер влияло, или приобретённая язва из-за плохого питания в детстве, или ещё по какой причине. Даже, может тот маленький рост вызывал в нём постоянное недовольство собой и любые намёки на это действовали на отца очень болезненно.

Мать же напротив, на голову выше отца, полная, дородная, спокойная. Хотя, на мужа смотрела, как бы с высока, строгим орлиным взором. Что тоже немало сказывалось на его раздражении.

Жили, почти дружно, под общим руководством матери. В шутку соседи, видя такой матриархат, называли её «Голда Меер», всем известная в своё время президент Израиля. Хотя мать Эдика и звали Ира, та охотно откликалась на имя Голда.

И вот, в такой семье, Эдик рос тихим, покладистым парнишкой.

Пришло время идти ему в школу. Тут много было суеты и шума, провожая его на этот первый звонок. А вечером, вернулся Эдик из школы, с синяком под глазом и без портфеля.

Родители, конечно, тут же побежали в школу и выяснили, что за инцидент там произошёл.

Пятиклассники, два брата, (один из них в четвёртом классе оставался на второй год), заметили паренька, не в меру упитанного и решили поиздеваться над ним.

- Ты, паря, ты чего такой жирный, - с издёвкой в голосе заговорил с Эдиком старший брат: тебя чего, специально откармливают на убой?

Эдик же в ответ только улыбался своей скромной улыбкой. Но, братья приняли это как оскорбление:

- Воха, ты ды, он ещё издевается над нами.

И, старший брат подошёл к Эдику и что силы ударил его в лицо.

Но, такого массивного первоклашку ему сбить с ног не удалось. Эдик испугано стал защищать лицо портфелем. Тогда младший отобрал у него портфель, и забросил его на крышу хозяйственного сарая, который стоял тут же во дворе школы.

Тогда Эдик упал на зад, и сидя на земле, закрыл лицо руками.

- Ладно, хватит с него, - смиловался старший брат, и они ушли.

Когда родители прибежали в школу, братья уже, как ни в чём не бывало, играли в футбол с другими ребятами во дворе школы.

Девчонки, которые группкой ютились у парадной двери школы, тут же охотно, с разными дорисованными фантазиями рассказали родителям Эдика о том, что случилось во дворе школы. И, охотно показали на братьев, играющих в футбол.

Отец тут же бросился на импровизированное футбольное поле, поймал старшего брата, схватил за ухо и поволол к парадной двери. Прибежал сам и младший брат.

- Дяденька, отпустите его, он больше не будет.

Как раз вышел и директор школы. Выяснив, что произошло, убедил отца Эдика, что разберётся, вызовет в школу родителей тех сорванцов. А за портфелем заставил лезть на крышу младшего брата. И хоть, как выяснилось, тот очень боялся высоты, но страх перед директором оказался сильнее.

По сути, это был единственный серьёзный случай с Эдиком. Дальше, над ним издевались и шутили только словами. Но, тот удар в лицо, навсегда поселился в Эдике, и он стал бояться этой боли до панического страха.

А годы идут...

Так, не спеша, вырос Эдик до восьмого класса. Друзьями в школе он так и не обзавёлся. Девчата так же не очень жаловали его. Хоть лицом парнишка был довольно симпатичный, да и к восьмому классу уже перерос отца. Но, или излишний вес отпугивал их, или какая другая причина, кто его знает.

И вот, в восьмом классе неожиданно умирает его мать. Живя, она очень срывала боли в низу живота. И лишь, когда они стали совсем нестерпимы, обратилась к врачам. Диагноз был не утешительным. Рак матки. И, ко всему, последняя стадия. Ни операция, ни лекарства, уже не могли

спасти. Ей, для утешения выписали сильно действующие наркотики, чтобы заглушать боль, и этим ограничились.

Не долго она прожила на этом «лекарстве».

Отец, похоронив жену, потерял всякий интерес к жизни. Часто стал выпивать. И Эдик, как бы, был предоставлен сам себе. Часто голодный, не стиранный. Днями мог слоняться по городу, напоминая своим обликом бомжа.

Вот в это время и нашли его приятели. Витёк, шустрый рыжий невысокий парнишка, и Игорёша, белобрысый тощий и долговязый.

Эдик сидел в городском саду на лавочке, понутив голову. Приятели подошли к нему, заговорили: Чего расселся? Заняться нечем.

- Что? – не понял Эдик.

- Чё сидишь здесь? – повторил вопрос Витёк: Чё, делать нечего?

- Да, нечего.

- Живёшь где? – поинтересовался Игорёша.

- На кооперативной.

- А, это три квартала отсюда?

- Да.

- А чё, пошли с нами. Жрать небось хочешь.

- Если честно, хочу.

- Ну пошли тогда, дадим тебе заработать на хавку.

Эдик решил, что эти добрые ребята хотят его угостить. Поднялся и охотно пошёл за ними.

В глухом углу парка они увидели парочку, которая миловалась удаляясь подальше от посторонних глаз. Тут Игорёша остановил приятелей.

- Вот голубки. Сейчас мы их пощиплем. Мы с Витьком подойдём к тому хмырю, а ты жирдяй будешь чуть сзади. Вид у тебя убойный. Тот от одной твоей грузной физиономии сдрейфит.

И парни направились к парочке. Эдик, ничего не понимая, с невинной улыбкой, поплёлся за ними.

Компания остановилась против лавочки на которой сидела пара.

- Ты, чувак, а кто будет платить за эксплуатацию нашей лавочки? – с ухмылкой завёл разговор Игорёша, глядя на явно испуганного парня.

Тот, бравируя перед своей девушкой, пытался ещё что-то возразить:

- А где здесь написано, что это ваша лавка?

- Чё, хочешь, чтобы мы тебе шнифты протёрли? Тогда крупным по белому увидишь, что это наша лавка. – Вступил в разговор Витяй.

Парень пытался подняться, но резкий приказной тон Витяя, остановил его:

- Сидеть! Плати аренду, и мы тебя живым отпустим.

- Какую аренду?

- Ну, так, думаю, за первый раз, четвертака достаточно будет.

Парень пытался ещё что-то возразить. Но, Игорёша со всей силы двинул ему в нос кулаком. У того из носа брызнула кровь.

От происшедшего Эдик побледнел и медленно стал оседать на землю.

Не обращая на него внимания, Игорёша и Витяй, принялись охаживать ошарашенного парня. Тот ещё пытался сопротивляться.

Визги девушки, и шквальный град ударов приятелей, то рукой, то ногой, сделали своё дело.

- Слава, - взмолилась девушка, - отдай ты им деньги.

Избитый, окровавленный парнишка, вытащил из заднего кармана тощий кошелек и бросил его к ногам нападавших.

- Забирайте. Это всё, что у меня есть.

Игорёша не спеша нагнулся, поднял кошелек, раскрыл, заглянул внутрь, и сказал парню:

- Вали теперь отсюда. И метёлку свою забирай. – указал он подбородком на девушку.

Слава, обняв её за плечи, прихрамывая, поплёлся с ней от того, ужасного для них места.

Тогда приятели заметили, что Эдик, весь бледный, сидит на земле.

- Чё жирдяй, в штанишки наделал: - с издёвкой обратился к нему Витяй. – Если так и продолжится, понтов с тебя мало. Ты, главное, не дрейфь. Мы своё дело хорошо знаем.

Витяй заглянул в кошелёк, который бросил им Слава.

- Да тут и коту на завтрак не хватит.

- А чё там? – поинтересовался Игорёша, забирая из рук Витяя тощий кошелёк. Вытряхнув из кошелька всё содержимое, пересчитал, поскрёб пятернёй затылок, и промолвил:

- Не густо! Но, на пару беляшей, во всяком случае, хватит.

Друзья, подняв Эдика с земли, направились в ближайший магазин. И вскоре, втроём, с аппетитом, уплетали по мягкому, ещё не остывшему беляшу.

За такое удовольствие, Эдик готов был всё простить новым друзьям, лишь бы удовольствие и наслаждение от вкушаемой пищи длилось, как можно дольше.

Осознание.

Друзья стали проведывать тот парк уже регулярно, в вечернее время. Отыскивали лавочки в самых затаённых уголках парка, высматривали парочки, которые, как те мухи, неосторожно влезали в паутину. И вот вам, неожиданно, как из-под земли, появлялись три молодца.

Эдик, по-прежнему бледнел, когда начиналось избиение. Но, прилагая все силы, в обморок не падал. Зато, собираемых средств уже хватало не только на беляши. Игорёша с Витьком, позволяли себе так же и бутылочку, другую винца. Раз, даже Эдику налили. Но, с ним особо не церемонились. Достаточно было бросить тому кусок колбасы и полбулки хлеба, и тот был доволен. Да и роль его была уж слишком посредственной, по их мнению. Подумаешь, постоять манекеном для острастки.

И неизвестно, сколько бы всё это продолжалось, но, видимо, неоднократные обращения в милицию ограбленных граждан, заставило органы, наконец-то отреагировать.

Не трудно было, зная одну и ту же, примитивную схему, провести спецоперацию, и выловить «удалую» троицу на очередном их ограблении.

В милиции, дрожащий и бледный Эдик, всё рассказал, как на духу. Сотрудница милиция, в тот же вечер, отвезла его домой, и познакомилась с отцом Эдика.

Знакомство – громко сказано. Дверь открыл уже достаточно обрюзгший от постоянных попок, отец Эдика. И, заплетающим языком, поинтересовался:

- И что мог наделать этот олух? Он мухи не обидит. Какое там грабить!? Сам последнее отдаст. Голодный? Да что я могу? Я сам, без жены. Умерла. Лишаете родительских прав. Да какое вы имеете право? Да и ладно. Всё равно это не жизнь.

Таким образом Эдик оказался в интернате.

Но, прежде, чем Эдик попал в интернат, было следствие, был суд. Витяй и Игорёша, всё пытались спихнуть на Эдика. Это, мол он был заводила, это его команды они выполняли, это он их запугал. Хотя, показания многих свидетелей были совершенно противоположные. Сам же Эдик, большей частью молчал и только как-то застенчиво, наивно улыбался.

Конечно, суд разобрался, что Эдик никак не мог командовать такими бойкими до наглости подростками. Характеристики, показания свидетелей, государственный адвокат, всё так сложилось, что Эдику дали год условно. Тех же приятелей осудили одного на три, другого на пять лет лишения свободы, с отбытием сначала в колонии для несовершеннолетних, а за тем с переводом в колонию общего режима.

Жизнь меняется.

Так Эдик оказался в интернате.

И там, он друзьями не обзавёлся. К нему моментом приклеилась кличка «жирюга». А он, всё так же, с невинной улыбкой, отвечал на оскорбления и молчал. Этим он постоянно разоружал оскорбляющих и гасил всякую агрессию в отношении его.

Три года интерната пролетели незаметно. За это время умер и отец Эдика, спившись, страдавший циррозом печени, и уже кровоточащей язвой двенадцатиперстной кишки. И Эдик остался совсем один.

После интерната он поступил в строительный техникум. Устроившись курьером, разносил по вечерам те материалы, газеты, рекламы по домам, по почтовым ящикам, адреса которых ему давали наниматели. Получал не много, но совмещая со стипендией, как-то мог существовать.

Кто его знает, долго ли могла продолжаться его серая жизнь. Но, однажды, разнося очередную порцию реклам и газет, уселся на лавку возле одного подъезда. Мимо проходила женщина, с добрым, но очень грустным лицом. Уже пройдя мимо Эдика, вдруг обернулась, посмотрела на Эдика, и, тихо подойдя, присела рядом.

- Устал сынок? - тихо и ласково спросила она.

- Есть немного, - так же тихо ответил Эдик.

- А сам-то откуда будешь?

- Да вот, с кооперативной.

- Далеко тебя занесло.

- Да я же курьер. Вот разношу, где скажут.

- А живёшь как? Мама, папа помогают?

- Умерли они. Сам я.

- Голодный?

- Есть немного.

- Так пойдём, я тебя хоть чем-то покормлю. А то, мой сын далеко, в Комсомольске.

Женщина привела Эдика в хорошо, со вкусом, богато обставленную квартиру. Ввела в большую, чистую кухню. Усадив, наложила ему полную тарелку борща. Когда он с аппетитом навернул полную тарелку, та наложила ему ещё полную тарелку с пюре и сосисками. Справившись и с этим блюдом, Эдик получил кружку чая с сахаром и вареньем, и вазочкой печенья.

Так вкусно, и так сытно, Эдик давно уже не ел.

- Спасибо, - сказал Эдик, отставляя пустую кружку в центр стола. – Я давно так вкусно и сытно не ел. Мне как-то не ловко перед вами. Ведь я вам совсем чужой. Можно хоть узнать, как вас зовут?

- Вера Николаевна. А тебя

- Эдик.

- Вот и чудно, познакомились.

Выдержав небольшую паузу, Вера Николаевна спросила:

- Эдик, ты в Господа веришь?

- Не знаю, - как-то не определённо ответил Эдик: - я никогда не думал об этом.

- Ну, может быть. А, кроме того, что ты курьером работаешь, ещё чем-то занимаешься?

- Учусь в техникуме, строительном на втором курсе.

- Это хорошо. А не хочешь ли в это воскресенье сходить со мною в церковь?

- Не знаю. Я никогда в церкви не был. Удобно ли?

- Удобно, удобно. Вот, в это воскресенье встречаемся у фонтана на площади ветеранов. Не далеко от ДКа, в девять, нет лучше в девять тридцать.

- Хорошо, согласился Эдик.

После этого Вера Николаевна проводила Эдика до выходной двери, и они расстались до воскресенья.

И вот, Эдик впервые переступает порог молитвенного дома.

В жизни он не раз бывал в кинотеатрах, смотрел кино. Был однажды со своим классом, когда учился в интернате, даже в театре. Так что, для него вид зала не был в новинку.

Но, когда он вошёл в этот зал, какие-то иные чувства, чем перед фильмом, или спектаклем, наполнили его. Он пока и сам не осознавал, тревога это, или какое-то иное чувство. Много людей, но они его почему-то не стесняли, не отталкивали. Среди них, Эдику было как-то спокойно на душе. Добрые улыбки, мягкие рукопожатия, приятные слова.

Само служение, в этот раз, ему мало что дало. Ему понравилось пение. С интересом Эдик прослушал свидетельство какого-то молодого парня. А что так рассказывали с трибуны, он почти ничего не понял. Лишь что-то смутное щекотало где-то там внутри.

Вера Николаевна постоянно находилась рядом с Эдиком. Когда пели, подавала ему песенник. Когда надо было встать для молитвы, слегка подталкивала Эдика. Петь Эдик не умел. Потому лишь тупо следил за текстом. Во всём остальном, покорно следовал всему, к чему неназойливо понуждала его Вера Николаевна.

И когда уже выходили из дома молитвы, Вера Николаевна тихо спросила его:

- Как тебе? Понравилось собрание?

Эдик неопределённо пожал плечами.

- Не знаю. Вроде всё хорошо. Мало что понял. Для чего все эти люди собираются?

- Понимаешь Эдик, - как-то не очень уверенно начала своё пояснение Вера Николаевна: - мы верим в Господа Иисуса Христа. Он пошёл Сам на жертву за всех нас, за все наши грехи. Его распяли. И Он воскрес на третий день, и вознёсся, и теперь на Небе рядом с Богом Отцом. И ждёт там всех нас, уверовавших в Него.

Ты извини Эдик, я не слишком умею рассказывать о Господе. Я вот, что сделаю. У меня есть Новый Завет, который я тебе могу подарить. Ты его читай. Ходи на собрание. Позже всё поймёшь сам. А, на вопросы, которые будут появляться, ты всегда сможешь спросить. У меня. А если я сама не смогу ответить, то у нас в церкви много братьев, которые хорошо знают Писание. Они всегда могут точно и чётко всё объяснить.

На том их разговор и завершился. Вера Николаевна вынула из сумочки Новый Завет, подала его Эдику. Тот взял, попрощался и они разошлись, каждый в свою сторону.

После того собрание прошло больше месяца. Эдик ходил в техникум, разносил так же рекламы и газеты. Новый завет лежал себе спокойно на полке, где Эдик положил его, придя с собрания.

В один день у него было мало работы на вечер. И он пораньше вернулся домой. Всё, что необходимо было для техникума, у него было сделано ещё днём, до вечерней работы. И вот теперь, он слонялся по своей комнате, не зная, чем занять себя.

Тут его взгляд остановился на Новом Завете. Как-то неуверенно Эдик взял его в руки.

Присев за стол, раскрыл и начал читать.

Евангелие от Матфея, начало ему совсем не понравилось. Как это получалось, что мужчины рожают мужчин?

Несколько заинтересовался, когда стал читать, как ангел явился к Иосифу.

«Это же надо, ангел. Неужели существуют ангелы? И вообще, что мы знаем о мире, который нас окружает? Может что-то есть в тех людях, которые всему этому верят? Они явно на остальных не похожи».

И, уже с большим интересом Эдик стал читать эту книжку.

И так случилось, что теперь какая-то не ведомая сила, каждый день, тянула его к чтению Нового Завета. И, за месяц, он осилил всю книжку. Из прочитанного, практически ничего не понял. Но, отдельные выражения врезались в его память. Особенно из Евангелия от Матфея, начиная с пятой главе, Нагорная проповедь Господа. Сильно задело, как это, «...дали по правой щеке, подставь и левую».

Ещё месяц он пережёвывал всё, что вычитал. И снова начинал перечитывать эту книгу. Наконец, на память пришли слова Веры Николаевны: «А появятся вопросы, можешь спросить у меня. А если я не смогу ответить, то у нас в церкви достаточно братьев, которые смогут ответить».

В этот вечер, прилично одевшись, взяв маленький тортик, он пришёл к Вере Николаевне.

Та, с нескрываемой радостью приняла его.

Пока Вера Николаевна хлопотала, накрывая на стол, кипятя воду для чая, чувствовалось некое напряжение между Эдиком и хозяйкой. Два замкнутых человека даже не находили слов с чего бы начать разговор. Но, только на столе появились чашки и был разлит чай, завеса неловкости, как бы сама собой, пала.

Осторожно начал Эдик:

- Вот, я сейчас читаю Евангелие от Матфея. И никак не могу взять в толк, разве Богу угодно, чтобы все были нищими? В пятой главе он пишет: «Блаженные нищие...». Мне кажется, это не правильно. Нищета ещё никого не обрадовала.

- Тут конечно, ты прав. Если у тебя нет чего есть, если тебе не во что одеться, если у тебя нет крова над головой, то это неправильно. Но, когда Господь говорит в Своей нагорной проповеди о нищих, то добавляет – духом. То есть, о тех людях, которые несмотря на все свои достоинства, испытывают вечную нехватку чего-то. А это «чего-то», как раз и есть незримая тоска по Господу. Многие испытывают эту тоску. И начинают заполнять её. Кто-то начинает писать стихи, кто-то спортом заниматься. У кого-то появляется неодолимое желание ухаживать за животными. Другие

пускаются в пьянство и разгул. И, лишь по прошествии некоторого времени, все эти люди понимают, что и этим они не смогут заглушить ту пустоту, которая образовалась у них внутри. Это Бог специально, когда творил человека, оставил ему внутри некую нишу. И только истинная вера может заполнить её. Всё остальное может только на время заглушить эту пустоту. И пока человек носит эту нишу пустой, он постоянно ощущает себя нищим, духовно нищим. И незаметно сам для себя ощущает потребность в Господе. Потому Господь и сказал, что блаженные нищие духом. Потому что, осознание этой нищеты ведёт к покаянию. А покаяние, в свою очередь, открывает дорогу в Царство Небесное.

- Да, интересно. А вот, дали по одной щеке, подставь другую. Как это понимать? Это же всякий, кто желает, может подойти к тебе и избить?

- И не только это, Господь говорит: «Не противьтесь злему». Ибо, наше противление злу, порождает новое зло. Удар по щеке не обязательно воспринимать как прямое указание. Иначе, и указание выкалывать себе глаз, или отрезать руку, мы бы все калеками ходили. Просто знай, к тебе со злом, ты с ним по-доброму. Конечно, это не просто. Да и кто сказал, что христианский путь – это просто? В Писании Господь предупреждает: «Входите тесными вратами...». Мы идём по жизни, как навьюченные ослы. Наши привычки, наши традиции, наши суеверия, огромными мехами свисают по обе стороны. А, когдаходишь тесными вратами, всё это отпадает само по себе. Весь этот груз лишний. Так что, Господь нам только добра желает. И всё, о чём Он говорил, и чему учил, только нам во благо.

До полночи продолжался разговор Веры Николаевны и Эдика. Уже уходя, он снова и снова находил, что спросить у хозяйки. И та, с терпением и кротостью, обстоятельно отвечала на его, порой наивные, по-детски звучащие, вопросы.

Эдик стал регулярно посещать собрания в церкви «Благодать».

Братья и сёстры его уже встречали как родного. Он уже знал на память многие псалмы, которые пелись в собрании. Пастор подарил ему Библию. С удовольствием слушал проповеди. Но, когда в конце проповеди звучал призыв к покаянию, что-то у Эдика ёкало в желудке, на ноги, как бы пудовые гири вешали, и неведомая сила, просто придавливала его с креслу.

Так продолжалось около полугода. Пять человек, за это время, вышли к кафедре. Пастор объявил для них пройти обучение после служения, подготовку к крещению, которое будет летом.

А Эдик всё тянул, тянул, да тянул. Идя на очередное служение, внутренне готовил себя к тому, что теперь-то обязательно выйду с покаянием. Но, когда наступал ответственный час, тут же внутри голос: «Нет, не сегодня. Да и что там, я не самый грешный». И всё в таком роде.

В одно из служение, рядом с ним села Вера Николаевна. И, когда прозвучал призыв к покаянию, она, как бы ненароком, легонько подтолкнула Эдика в спину. Это для него была как команда. Он тут же вскочил с кресла, ноги сами собой понесли к кафедре. В голове было пусто, только какой-то звон. Не видя ничего вокруг, только лицо пастора. И, когда очутился перед микрофоном, слёзы сами собой потекли из глаз.

С минуту Эдик не мог вообще произнести ни слова. Потом мысли лихорадочно заработали в голове, и он произнёс: «Господи прости, прости и помилуй».

Зал ожидал ещё каких-то слов. Но, у Эдика текли слёзы, и он больше ничего не смог сказать.

Пастор начал молиться за Эдика, благодаря Господа за дар спасения ещё одной души, и прося водительства Духа Святого для Эдика, прося у Господа для него тех благ, с которыми Эдик непременно станет служителем и воином Божиим. И всё собрание дружно вторили пастору: «Аминь!»

Скоротечно полетело время. Покаялся Эдик осенью. Зима пролетела как один день. Весна отжурчала весёлыми ручейками не заметно уступив место летнему зною.

В церкви пастор вёл занятия с теми, кто изъявил желание принимать водное крещение. Шесть человек готовились к этому знаменательному событию в их жизни. Среди них был и Эдик.

В этот год Эдик должен был закончить обучение и в техникуме, получить диплом «Техник-строитель». Проходил в те дни практику на одной из строек города. И всё, казалось бы, складывалось у него как нельзя лучше.

Так же он познакомился с Диной, девушкой, которая тоже готовилась к водному крещению с ним в одной группе. Девочка очень скромная, даже замкнутая. Но, она как-то очень мило улыбнулась Эдику, когда он, как всегда, задавал пастору один из своих бесконечных, неуклюжих вопросов. И, эта улыбка так тронула Эдика, что он так и не дошёл до сути того, что хотел спросить.

Занятия по подготовке к крещению, проходили в воскресенье, после общего служения. И, когда они закончились, Эдик подошёл к Дине, краснея и заметно напрягаясь, спросил:

- Ты сейчас куда? Можно тебя проводить?

И Дина, как-то просто ответила:

- Проводи, чего же нет.

Они шли не спеша по алее парка в котором когда-то Эдик со своими «друзжками» грабили влюблённые пары. Очень щемило сердце от этих воспоминаний. Дина казалась беззаботной и даже казалось улыбка счастья блуждала у неё на губах.

Не так много осталось до выхода из парка, как в проёме ворот оказался вдруг Игорёша. Не было у него и в мыслях кого-то грабить или обижать. Ведь он ещё и недели не прошло, как оказался на свободе. Вышел, по какому-то там указу, за хорошее поведение досрочно. И, пока был под надзором в милиции, отмечаясь там в положенное время.

Увидев Эдика с Диной, с широкой улыбкой, направился к ним. Эдик же, в это время сжался внутри, почему-то предчувствуя что-то очень нехорошее.

- О, здорово жирюга! – подходя к паре, заговорил Игорёша.

Желая, по-приятельски похлопать Эдика по плечу, протянул руку. В голове Эдика тут же вспыхнули картинки. Сначала, почему-то он вспомнил, как в школе, первый раз получил в нос именно за то, что он жирюга. Потом картины их ограблений, те избиения, пусть не его, но всегда болью отражающиеся на его теле.

И вот сердце, которое всё это время, никак не проявляло себя, и тот порок не давал о себе знать все эти годы, вдруг невыносимо заныло, в глазах потемнело, в голове закружилось, и Эдик упал.

Приехавшая скорая помощь констатировала: смерть.

Досталось же в это время Игорёше. Хоть Дина и давала показания, что этот парень не трогал Эдика, а только протянул руку. Медэкспертиза не нашла на теле Эдика никаких признаков насилия. Тем не мене, три дня Игорёша пробыл в КПЗ, довольствуясь казёнными харчами раз в сутки. И лишь вскрытие показало, что остановилось сердце вследствие болезни.

Церковь хоронила Эдика, так как никого из родных, так и не нашли. Но, хоронили с верой, что этот парень нашёл Господа, и теперь непременно будет на Небесах.

Так Эдик оказался в вагоне со странной табличкой пунктов назначения «Небеса - конечная»

Глава 4 **Отец Дионисий.**

Не молодой, лысеющий Глеб, ходил по двору дома в частном секторе, призывая кур, кроша им крошки старого заплесневевшего хлеба.

- Цып цып цып, - то и дело взывал он к ним.

Глеб, он же отец Дионисий, некогда сельский парень, в детстве пасший коров, уже в свои лета дородный уважаемый отец Дионисий, стал служителем не по Божьей воле.

В селе, где он родился, не было своей церкви. Да и чтобы село было такое уж очень верующее, можно сказать с натягом. По сути, Бога не отвергали. При случае, крестили лба. Каких-то там обычаев и суеверий придерживались.

В самой семье Глеба, отец не садился за стол, пока его мать, бабка Глеба не прочтёт заученную молитву. Правда потом, мог сказать крепкое словцо, если что-то не так на столе.

- Ефросия (это мать Глеба), мать твою так, что в доме соль по талонам? Почему борщ стосковался по соли?

Или:

- Мать (это уже к бабке), какого чёрта ты брала мою кружку?

Или:

- Глебка, Нюрка (это сестра Глеба), мать вашу за ногу, вы что такие мурзатые за стол лезете?

И всё такое в том же духе.

Мамку Глеба тоже не назовёшь скромного и смиренного нрава. Та не меньше отца могла загнуть по матушке так, что в доме крышу приподнимало.

А вот бабка, Авдотья Никаноровна, была прямая противоположность и сыну, и невестке. Очень Богобоязненная. Могла часами простоять у икон на коленях, что-то бормоча себе под нос.

Какое-то время она и занималась духовным воспитанием внуков. В воскресенье брала Глеба и Нюру с собой в церковь до которой надо были или идти пятнадцать километров, или (если повезёт, и кто-то их подберёт по дороге) проехать это расстояние до соседнего села.

Чтобы что-то понять из того, что творилось в церкви, так нет такого, ничего Глеб не мог понять. Ни из того, что там говорил отец Афанасий с амвона, ни того, что причитал дьякон Василий, на распев растягивая слова.

Когда пели, ещё нравилось. Но, и слова тех пений Глеб не понимал.

Нравился запах ладана как в церкви, так в бабушкиной комнате. И это, пожалуй, то малое, что всё-таки нравилось Глебу. А Нюрку, похоже, и это не трогало.

Да и вообще, на служении они были от силы полчаса. Потом носились по церковному двору, придумывая для себя всякие игры и забавы.

Это длилось лет до семи. Потом, в одно из воскресений, как всегда, Глеб бегал по церковному двору, но тут появились мальчишки из этого села.

- Ты кто такой? - спросил его один из них: - чего здесь делаешь?

- Да мы из Ветрянки, с бабкой на службу пришли.

- А, из чужого села? Бей его ребята. Это чужак.

И ребята, ватагой окружили Глеба. И, как мячик, толкая друг другу, стали играть Глебом.

Нюрка, видя такое развитие событий, тут же шмыгнула в церковь, отыскала бабку Авдотью, и горячо зашептала:

- Ба, а ба, там мальчишки и Мельникова Глеба валтузят.

Бабка Авдотья, в это время прибывала в молитвенном состоянии и до неё не сразу дошло, о чём это Нюра ей говорила. А когда до неё дошло, что говорит Нюра, встала с колен, опираясь на палку, с которой, последнее время не расставалась, и, насколько хватало ей скорости, посеменила во двор. Увидев мальчишек, которые стояли кружком и пихали Глеба друг другу, играя им как мячику, Авдотья Никаноровна, с поднятой над головой палкой, бросилась на подростков с криком:

- Ах вы антихристы окаянные! Что удумали, мальчика мучить!

Мальчишки бросились в рассыпную, спасаясь от воинственной старушки, несущейся на них с палкой, поднятой над головой.

Но, вот именно с тех пор, Глебу что-то быстренько расхотелось посещать церковь. И на том его детское духовное воспитание завершилось.

Нюра ещё сколько-то походила с бабушкой. Но, когда пришла пора идти в школу и ей, у неё охота отпала.

Становление.

О детских годах отца Дионисия (в миру – Глеба), по сути, писать нечего. Рос как многие подростки. Ходил в школу. Правда, сказать, чтобы он очень преуспевал в учёбе, то полностью соврать. Так перекочёвывал с двойки на тройку. И, чтобы не портить успеваемость в школе, его кое-как переводили из класса в класс.

Добравшись в своём образовании до восьмого класса, получив свидетельство об не полном среднем образовании, дальше учиться не захотел.

Родители не слишком и противились. Видимо за восемь лет обучения им Глеб так надоел, что они и рады были его куда-то пристроить. Вот и пристроили.

В один из дней пришёл отец домой и объявил:

- Сегодня разговаривал с председателем. Там дед Макар уж очень стар. Гляди, в рифму заговорил, - хохотнул он своей же остроте. Так вот, тот дед уже не тянет стадо, которое ему селяне доверяют. Обещал, что дам ему в помощь своего Глебку. Деньги там не большие. Но, всё прибавка в семью. Так Глеб стал пастухом. Ещё год дед Макар смог выдержать, а потом вовсе слёг. И уже Глебу самому приходилось выгуливать стадо. И это длилось три года.

Потом его призвали в армию, где он оттарабанил два года.

В армии он познакомился с земляком Николой. Тот был из самого города Прилуцка. На год старше, уже «старик», по тем армейским законам. Пригрел возле себя земляка и уже не давал никому в обиду.

Тот и заронил в сердце Глеба мечту, что классно быть батюшкой в церкви. Те и не перерабатываются, и на машинах ездят. И едят в сытость. И вообще, у них не жизнь, а сказка.

- Я и сам думаю, - делился своими планами Никола: - вот дембельнусь и подамся в Одессу, в семинарию.

- А почему в Одессу? – поинтересовался Глеб.

- Можно, конечно, и в Киев поступать. Но, там сложнее. Ведь всё-таки столица!

- А ты что, в Бога веришь?

- Не знаю. Как моя матушка любит говорить: «Есть ли Бог, или Его вовсе нет, не знаю. Но, на всякий случай, верю. Ведь явно, что-то там есть». Вот и я – на всякий случай. Да и перспектива какая? Идти пахать на хозяина за копейки? Должность какую получить, так у меня образования маловато. А чтобы хорошо заработать нужны знания. Чтобы свой бизнес, нужны деньги. А их если только украсть. И то, дадут ли пользоваться? Нет уж, лучше пусть мне поклоняются, чем я на кого-то горбатиться буду.

Насколько серьёзно говорил Никола, судить трудно. Но, Глеб всерьёз задумался о перспективе сделать карьеру священнослужителя.

Армейские годы для Глеба пролетели быстро. И хоть он не нахватал на грудь орденов и медалей, но в родное село вернулся в красивой форме дембеля, рядовым.

С месяц вообще никуда глаз не казал. Шлялся по селу, или сидел дома за чаркой водки. В этом ему, и батя не отказывал. По случаю всегда с ним пристаканивался.

А вот когда прошёл месяц, решил Глебка испытать судьбу матушку. Для чего, оделся в праздничный костюм и отправился в соседнее село в церковь, к батюшке.

Это был будний день. Во дворе церкви никого не было. Центральный вход в церковь был заперт. И Глеб, добрых полчаса бродил вокруг церкви, ища, с кем бы поговорить.

Наконец, из боковой двери вышел отец Афанасий. Глеб бросился к нему:

- Батюшка, вас-то я и ищу. Мне бы священником стать. Как, посоветуйте?

- Священником говоришь, - остановился отец Афанасий: - Епископства желать, хорошее дело желать. И кто ты таков? Сколько в вере? Посещаешь ли Храм? Знаешь ли молитвы? Со Священными Писаниями ли знаком?

Столько вопросов и сразу. Сердце Глеба ёкнуло. И что Глебу подсказало, трудно объяснить. Тот не стал врать, как это делал обычно, когда не знал, как правильно отвечать.

- Да нет, батюшка. В детстве бабка Авдотья водила в церковь. А потом, просто было как-то не до того.

- А почему решил стать священником?

- Да, как сказать? – замялся Глеб: - не знаю, что-то манящее в этом есть.

- Священно служение – тайна. Его постичь, мудрости мало, - стал поучать отец Афанасий: - тут нужно особое призвание от Бога. Вот ты, когда последний раз был на исповеди?

- Да ни разу не был.

- Вот видишь! А с этого начинается дорога к Богу.

«Ну, сейчас погонит меня», - подумал Глеб.

Но, отец Афанасий друг заговорил о другом:

- Знаешь отрок, пожалуй, я возьму тебя в служки. Эдак годик другой послужишь, а там глядишь и дослужишься. Дам тебе рекомендацию в духовную семинарию. А уж коль не выдержишь, ну что же, на всё воля Божья. Приходи завтра в десять.

На том и завершился их разговор.

Начало служения.

На следующий день отец Афанасий встретил Глеба во дворе церкви.

- И с чего это ты так принарядился? – обратился он к Глебу.

- Ну, как бы в церковь, это, как на праздник.

- Забудь, о праздниках забудь. Ты же мечтаешь быть священнослужителем. Кончились для тебя праздники. Вот Федот проводит тебя в подсобку, там переоденешься. И всё, что будет тебе наказывать, исполняй беспрекословно.

И начались для Глеба «святые будни». То курей накорми, которые были на заднем закрытом дворе. То воды натаскай для кухни, где для служек и иноков готовились завтрак обед и ужин. То двор подмети. А к зиме и дров накопи. А там заборчик покосился, надо поправить. А там уже пора освежить, вновь выкрасить.

Одним словом, с утра до позднего вечера у Глеба хватало забот и трудов. А смеет возразить, тут же, за послушание, ему новое послушание. Так и в армии Глебу не приходилось трудиться. Хотя и там нарядов хватало.

Дома, он бы давно всё бросил и хоть трава не расти. А тут, куда убежишь? Придётся и работу искать, и о хлебе думать. Мать с отцом, конечно, приютили бы на какое-то время, в хлебе бы не отказали. Но, как подумает о сельчанах, которые его бы на смех подняли, и не один год попрекали бы тем, что он неудавшийся поп. Бежать охота отпадала, и приходилось терпеть эти бесконечные придирки Фёдора.

Худо-бедно, год протянул.

И вот, снова встреча с отцом Афанасием.

- Что же, Глеб, ты верно нёс послушание этот год. Посылаю тебя в Лужанский монастырь, иноком.

Сколько-то до пострига, там послужишь.

- Лужанск – это далеко?

- Он Луцка вёрст двести. Но, настоятель там верный, хороший. Тебе понравится. Рекомендацию я уже написал. Созванивался с отцом Кириллом. Тебя ждут и примут. Завтра же и отправляйся.

Монастырь.

Теперь пошла служба у Глеба на новом месте. Место поменялось, дело осталось тоже. Ему приходилось: мести двор, прибираться в скотном дворе, помогать на кухне. За прошедший год мышцы попривыкли к физическому труду. Усталость ощущалась меньше. Но, к часу, когда можно было лечь спать, силы были уже на исходе. И, сколько бы его ни учили, что надо молиться как по утрам, так и на ночь, проку не было. И утром Глеб старался урвать хоть сколько-то минут для сна, и, когда приходило время вставать, уже вскакивал, наспех одевался и нёсся опять по своим служебным делам. И на ночь, не успевала голова коснуться подушки, как Глеб уже видел первый сон. Так что, молитвы его были редки, в основном в служении. И то, большей частью, он рассматривал прихожан, даже вернее будет сказать – прихожанок, чем озабочивать мозг своей духовностью или молитвой.

В чём обрёл он навык, так это в послушании. Никому не перечал, делал своё дело. Когда его никто не видел, мог и посачковать. Если где, что плохо лежало, и украсть за грех не считал. Но, в глазах всех, он был скромным, исполнительным парнем.

Так прошло полгода.

Тут призвал его отец Кирилл:

- Вот что, Глеб, хватит тебе в иноках ходить. Решили мы, чтобы ты принял постриг и новое имя.

Готовься, постись, молись, на неделе свершим над тобой таинство.

Почти неделю до свершения таинства над собой, Глеб провёл, для всех, в посте и молитве, для себя, как обычно. Хватало у него запасов, чтобы не страдать от голода, и хватало терпения и хитрости, чтобы делать вид, как он усердно молится.

И вот, в назначенный день, приехал в монастырь архиерей из Луцка. Он, настоятель монастыря, и ещё несколько монахов, привели Глеба к алтарю.

Сам обряд: после чтения покаянных тропарей и молитв о постригаемом, совершается крестообразное пострижение посвящаемого, с произнесением слов: «Во имя Отца и Сына и

Святаго Духа». После этого, двое монахов натянули на Глеба рясу и на голову во грузили камилавку.

После чего, архиерей из Луцка торжественно произнёс:

- Именем Господним, тебе нарекается новое имя – Дионисий. Носи это имя с достоинством и честью.

Перекрестив Глеба-Дионисия троекратно, завершил таинство, изрекая:

- Аминь!

И вот, в новом сане, уже как монах Дионисий, продолжалась жизнь Глеба. Сан позволил ему приблизиться к «кормушке» более близко. Иногда ему давали ящик для пожертвования, с которым он стоял во время службы у ворот Храма. И, когда в этот ящик закидывали свои жертвования приходившие миряне, тот внимательно следил за тем, какая валюта туда попадала.

Щель в ящике для пожертвования была до того узкая и короткая, что каждую купюру приходилось складывать вчетверо. И, часто та купюра застревала в щели, что монаху Дионисию приходилось, мелкую допихивать до полного падения в ящик, крупную, аккуратно вытаскивать и окутать в большой карман под рясой, до полного её исчезновения.

В другие дни, монах Дионисий служил в самом Храме. Поправлял подсвечники, раскладывал ритуальные предметы для лужения. И так, по мелочам.

Жизнь, конечно, казалось скучной, однотонной. Но, привычный вид смирения на лице Глеба, делали своё дело. Уже через полгода его призвал отец Кирилл, настоятель монастыря, с казал:

- Вот брат Дионисий, ты уже немало потрудишься для Господа, и пора тебе идти дальше. Я вот пишу тебе рекомендационное письмо в Одесскую семинарию, поедешь учиться. А то, сколько тебе ещё в монахах ходить?

Семинария.

И новый виток в жизни дьякона Дионисия. Он студент Одесской духовной семинарии.

Если абитуриентам, которые пришли поступать в семинарию (так сказать) с улицы, требовалось сдавать экзамены, то с дьяконом Дионисиям этого не произошло. Имея протекцию от настоятеля монастыря, настоятеля Храма Богородицы, настоятеля области, его так, автоматом, зачислили в студенты семинарии.

Что можно сказать о той жизни? Да она мало чем отличалась от жизни при храме. Лишь, к ранним подъёмам добавилось, обязательная общая молитва семинаристов, потом шесть часов в аудитории. Обязательное посещение библиотеки при семинарии.

Свободное от учёбы и еды время, труд. Уборка келий, уборка в самой семинарии. Труд на кухне.

Мне трудно сказать, как сдавал сессии Глеб-Дионисий. Быстрее всего, он мог что-то выдать на старославянском языке. А так же, выучил сколько-то фраз на латыни.

Пришлось ему заглядывать и в Библию, хотя бы для того, чтобы знать, о чём там пишется.

Кое-как осваивал и историю православного христианства. Путаясь в фамилиях, датах, переиначивая некоторые события, но, как-то и с этим справлялся.

Больше всего он любил предмет – бесология. Вот уж где можно было душу отвести, склоняя на разные падежи: баптистов, пятидесятников, харизматов.

Близко в семинарии ни с кем не сошёлся. Большею частью ребята были молодые. Среди них были даже такие, которые очень ревностно служили и учились, успешно постигая духовные науки.

Но, всё это стороной проходило мимо Глеба-Дионисия.

Так вот, не ярко, не пылко, пролетели студенческих четыре года в семинарии. И, как видно, тех преподавателей не очень-то проведёшь напускным смирением и молитвенностью. Потому, при распределении, Глеба-Дионисия и заслали в глухую деревню, старенькую церквушку, которую посещало несколько старушек, и священник был уже до того стар, что еле двигался.

И хоть физически священника одолевал недуг, зато духом с ним не потягается ни один молодой. Хорошо разбираясь в Писании, имея немалую мудрость от Господа, мог бы много передать Дионисию.

Но, через несколько дней, он только и мог сказать: «Нет, не того ты духа, парень. Но, коль Бог тебя послал сюда, будем трудиться».

Для Дионисия эти слова ничего не значили. Но, они-то и определили его дальнейшую судьбу.

Деревенский батюшка.

Служба, в роли батюшки, Дионисию понравилась с первых дней. Уважение к рясе ли, к сану ли, но когда он проходил по селу, с ним приветливо здоровались, кланяясь, как какому-то пану. Находились и те, кто пытался его чем-нибудь угостить, или жертвовали для храма, продукты, деньги.

За все эти годы Дионисий заучил ход всех служб. Утреннюю, вечернюю, воскресную службы.

Вечер 1. Девятый час (3 часа дня). 2. Вечерня. 3. Повечерие.

Утро 1. Полунощница (12 час. ночи). 2. Утренняя. 3. Первый час (7 час. утра).

День 1. Третий час (9 час. утра). 2. Шестой час (12 час. дня). 3. Литургия. Ну и прочее. Но, отец Феофил (так звали сельского священника), не спешил ставить Дионисия править службу. Хотя, было видно, как ему тяжело даётся каждое служение. Еле стоял на ногах, голос был слаб и дрожал. Но, каждый раз, когда Дионисий предлагал свои услуги, слышал один и тот же ответ:

- Рано ще, погода, буде час.

Через сколько-то месяцев отец Феофил слёг вообще. Матушка и день и ночь не отходила от его постели.

И вот тогда он призвал Дионисия и сказал:

- Слаб стал совсем. Видимо Отец Небесный зовёт к Себе. А я и рад к Нему побыстрее. Но, земля держит, на кого приход оставлю?

С тебя же священник какой? Да никакой. Но, придётся тебе службы править.

Только вот, жениться тебе надо. Может, хорошая жена возьмёт тебя в руки, и ты уже опомнишься от мира сего. В любви и детях, может коснётся и тебя Дух Святой. А на что же ещё надеяться?

И уже, в тот же вечер, отец Дионисий, правил службу.

Молитвы начала, он знал наизусть. Они как орешки отскакивали от зубов.

Торжественно и распевно, чуть баяя, он заводил:

- «Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков»

«Слава Святей, и Единосущной, и Животворящей, и Нераздельной Троице всегда, ныне и присно и во веки»,

«Благословенно Царство Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков»

После возгласа Дионисий, от лица всех присутствующих, выражал словом «аминь» (истинно) согласие на эту хвалу и тотчас же начинал славить Бога: «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе».

И целый ряд молитв, заученных ещё в семинарии, Дионисий выдал как единым духом.

Помогал править службу отцу Дионисию, прото дьякон Мелих (в миру Иван). Когда наступил его час, час молитв ектении, он, на распев, звучным басом, начал речитативу:

- Боже милостивый, душе нашей...

На распев прославление, на распев прошения, на распев упомянул кто из прихожан дал заявку на ектению.

Одним словом, что уж тут расписывать. Со всеми хитростями и сложностями для понимания, трудно сказать, насколько назидательно, но очень очаровательное для глаз прихожан, Дионисий провёл служение.

В тот же вечер, отцу Феофилу передали, что его ставленник, превосходно провёл вечернее служение.

- Тут я не сомневался, - только и сказал на это отец Феофил.

С того времени и закрутилось. Службы, приём прихожан на исповедь, отпевания, крещения, свадьбы. Всё это входило в круг обязанностей отца Дионисия. Но, село есть село. Мало женились, стойко жили, не часто рожали. Казалось и вовсе не грешили. Ибо, как понять, что не шибко спешили к исповеди и покаянию.

Потому и остались отцу Дионисию только службы. А по причине не особого рвения отца Дионисия ко всей этой рутине (очень быстро наигрался), то и службы были, в основном только воскресные. И никакого церковного календаря, там, или графика, даже не знаю, как тут правильно выразится.

Жених и невеста.

Но, понимал отец Дионисий, что не долго будет «музыка играть в его доме». Отцы настоятели долго раскачиваются. Но, ведь когда-то решат этот вопрос, и ответят на запрос отца Феофила, и пришлют в село служителя, достойного этого сана.

Всего один вариант – жениться. Тогда ему ещё могут доверить приход.

Вот и стало проблемой номер один для Глеба-Дионисия, где найти себе жену. Ну такую, чтобы не сварливую, чтобы не фанатичную верующую. И, даст Бог, послушную.

Перечитывая 31 псалом, постоянно думал: «Да, вот такая бы жена сгодилась».

Но, Господь, как известно, посылает лучшее лучшим, а вам вот, что есть.

И была в том селе девица на выданье – Нина. Двадцать сем лет. Лицом нельзя сказать, что красавица. Но, что-то весьма привлекательное было в её чертах.

Девица такая, в теле, но и полной не назовёшь. Характером из тех, за словом в карман не полезет. С первого взгляда можно подумать, что ветреная и легкодоступная.

Но, это обманчивое впечатление. Не один парень уже обжёгся считая так. Девица явно хранила себя на день бракосочетания.

Бога не отрицала. Да и кто в селе может отречься от Бога? Но, и всерьёз о нём не думала. Не обивала пороги храмов, не неслась на исповеди.

Одним словом, жила как вся масса народа, считая себя христианкой, Бога же истинного не ведая.

Дионисий, которому уже перевалило за тридцать, не раз в уме перебрал всех кандидаток на должность матушки, невольно останавливался мысленно на этой Нине.

Неведомая рука так и повела его.

Как-то, в вечернее время, проходя по селу, увидел Нину. Та возвращалась с посиделок с подружками. Вволю насудачившись, вся под впечатлениями новостей, услышанными в этот вечер, шла в хорошем расположении духа.

Вот тут отец Дионисий, может впервые, в душе, искренне помолился Богу, и решительно направился к девице.

- Добрый вечер сестра, - придав голосу как можно больше доброго и бархатного звучания, обратился он к Нине.

Та, так и стала в удивлении. Никогда раньше от отца Дионисия ничего подобного не приходилось слышать. Привычная маска смирения, скрывавшее полное равнодушие к окружающему миру, взгляд никуда, как бы в пространство, вызывали разные толки у селян.

А тут такой проникновенный, даже нежный голос. И взгляд такой горящий и ласковый.

- Добрый, - только и могла выдавить из себя Нина.

- Сестра, - продолжил отец Дионисий: - вот такое тут дело, я бы хотел тебя попросить, стань матушкой.

- Не поняла, как это стать матушкой?

- Ну, как это, выйди за меня замуж.

- Отец Дионисий, никак вы мне предложение делаете? Сватаетесь что ли? И почему так, без цветов, без сватов, без прошения дозволу у родителей?

- Прости сестра, как-то не учёл всего этого. Но, думал, что сначала надо твоё мнение узнать. А с цветами проще. Вот, выйдем на луг, не поленюсь, любых нарву. С родителями, не думаю, что от них отказ получу.

- Чего так? Откуда такая уверенность?

- Ну как? Всё-таки священник, как бы, авторитет.

- Хм..м! тоже мне священник, а сам о земном помышляет. Девицу захотел?

- Да что ты, что ты, Нина, как ты могла такое подумать? Ведь я же от всего сердца.

- Ну, коли от сердца, то стоит подумать. И что тут говорить. Завтра, вечером, скажем так часов в семь, вы у меня с цветами, соответственно одетый, с заготовкой предложения, к моим родителям. И уже там будем думать.

Чудно то как! Люди годами встречаются, узнают друг друга, складывают между собой какие-то отношения. А уж потом решают, сходитья им или нет. А тут, как с бухты-баряхты, бац – становись матушкой.

- А что тут тянуть? Если хоть сколько нравлюсь, то это всё и решает.

- Ну, так-то мужчина ты видный. Тут каждая бы не отказалась быть матушкой. Но, уж позволю, дорогой жених, я до семи завтрашнего дня думать буду.

Отстранив Глеба-Дионисия движением руки с дороги, нужное направление которой он заслонял, Нина уверенно и гордо зашагала по дороге к дому.

Глеб-Дионисий так и остался стоять посреди дороги, не соображая, так да, или нет. Станет Нина матушкой, или попросту отошьёт его.

Сватовство.

День до вечера тянулся вечно. Отец Дионисий слонялся по церковному двору, не зная, чем себя отвлечь от мыслей, которые как струи воды, непрерывно текли в его мозгах.

Почему-то всё раздражало. И сомнения, правильное ли решение он принял, всё больше и больше атаковали его.

Но, как только возникала мысль о том, что ещё чуть-чуть, и он потеряет приход, тут же отрезвляла его. И он уже уверенно думал, что его карьера полностью зависит от этой женитьбы, и что лучше Нины, в этом селе, ему не найти. А искать ещё где-то, у него не было ни времени, ни желания.

Вроде бы всё правильно. Но, что-то очень раздражало его. И что так, он никак не мог взять в толк.

От этого раздражения ни с того, ни с сего накричал на бабушку Авдотью, которая прислуживала на кухне при церкви. По сути и та много дел не имела. Ну батюшку покормить. Был ещё при церкви послушник. Прибился бомж, вот и ухаживали. И дьякон Мелих заглядывал иногда.

Вот и бабушка Авдотья, тоже шлялась по двору без дела. И попала под руку отцу Дионисию. Тот тут же нашёл на ком зло сорвать.

Худо, бедно, доползла стрелка до восемнадцати ноль-ноль.

Одевшись в цивильный костюм, нацепив галстук. Час провозился с узлом. Ведь надевал галстук последний раз лет десять назад. Но, справился. Взял букет цветов, который с утра прикупил в районном городишке. И степенно, не спеша, отправился в путь, на сватовство.

Проходя не спешно по селу, вызвал такое любопытство селян! Казалось, что со всех дворов даже собаки из будок повывлезали и, с хозяевами, с любопытством, смотрели в след отцу Дионисию.

Путь до дома Нины не так далёк. Вот и у цели.

На тихий стук в двери, открыл младший сын семьи Ветренко, Максим. Ветренко. это все родственники Нины. Их же сын, парнишка 14 лет. А так в семье, Петра Петровича, три дочери и вот один сын, последыш. Младшие сёстры уже успели выйти замуж раньше своей старшей сестры. Одна переехала жить к мужу в областной город. Другая с мужем так и ютились в доме Петра Петровича.

Гостя пригласили в зал. Уютно обустроенная комната. Ковры на стенах, удобный диван, круглый стол посреди комнаты-залы, несколько стульев у стен. Не много мебели. Но, просторно и как-то очень по-домашнему.

На диване сидели отец Нины, Пётр Петрович, и его жена, Марина Васильевна.

Когда Глеб-Дионисий вошёл в залу, Пётр Петрович встал ему навстречу.

- О..о! какие гости! С чем к нам пожаловали?

Такой вопрос вообще ввёл в растерянность Глеба-Дионисия. Тот, натянуто улыбаясь, уклончиво ответил:

- Да есть у меня к вам некое немало важное дело. Кстати, а где Нина?

Нина, будто ждала этого вопроса, тут же выплыла из боковой комнаты, прилегающей к залу. В нарядном платье, красиво наложенным макияжем. Ну красавица, глаз не оторвать.

Глеб от удивления, отрыл рот, так и застыл.

- Ну что жених, давай цветы, целуй невесту!

- Нинка, бесстыдница, совсем совесть потеряла! – упрекнула дочь Марина Васильевна.

- А что, отец Дионисий пришёл свататься ко мне.

- Ну коза! – не удержался от упрёка и Пётр Петрович.

- Нет, нет, - вмешался в разговор Глеб-Дионисий, я действительно пришёл просить руки вашей дочери.

Теперь, от удивления, сел на диван Пётр Петрович. И его жена, от растерянности не знала, что сказать.

Первый из такого оцепенения, пришёл Пётр Петрович:

- Погодь, какая же матушка с нашей Нинки? Один ветер в голове. Вон как размалевалась. Боевой раскрас.

- Ничего, - успокоил Глеб-Дионисий: - станет матушкой, всё встанет на свои места.

- А что: - вмешалась в разговор Марина Васильевна: - уже давно пора Нинке замуж выйти. Вот, сёстры её уже детей своих имеют. А эта вон, засиделась в девках. Ну отец, ты как хочешь, а я совершенно не против. Зато внуки наши родятся в святости. Глядишь, нам волноваться не надо, что вырастут пьяницами или наркоманами. Ты как хочешь отец, я же согласна, чтобы Нинка выходила замуж.

- Ну вот вы бабы, - возмутился Пётр Петрович: - уже и покочевряжиться нельзя.

И уже, принимая руководство сватовства, крикнул куда-то в сторону двери:

- Лилька, Лилька, где ты там?

В проёме двери появилась Лиля, младшая сестра Нины. Худенькая, на полголовы ниже Нины, но очень приятная на лицо.

- Лилька, сбегай до крамы, тут на стол надо.

А потом, обращаясь к жене:

- А ты, Маришка, давай на кухню, что-то сваргань на стол на скорую руку.

В селе, на скорую руку, значит, чтобы было и жаренное, и пареное, и кислое, и сладкое, и горячительное, и горячее (если, конечно, до горячего хватит сил добраться).

Любителям диеты, от таких застолий, которые начинаются не раньше девяти вечера и длятся чуть ли не до утра, конечно такое обжорство не впрок.

Тем не менее, к полуночи семейство Ветренко с гостем, уже именуемым, как жених, так разгулялись, что начали скандировать: «Горько, горько!», глядя на порозовевшую Нину, и порядком нализавшегося отца Дионисия.

Тут, благо, в каком бы состоянии пара ни была, но с упреком и удивлением посмотрели на родственников, но, по желанию публики чмокнули друг друга, слегка прикоснувшись губами друг к другу.

Похоже это всех успокоило.

И, как обычно в таких застольях бывает, сначала рассуждали где и как будут жить молодые, сколько будет людей на свадьбе и где её проводить. На какие средства, и кто за что отвечать будет. Потом пошли поздравительные тосты. Далее уже как-то само собой получилось все разговаривали друг с другом, и никто никого не слушал.

Ближе к трём утра, отец с бедующим зятем, клюнули носами в тарелки с салатом. Серьёзно охмелевший отец Дионисий пытался что-то запеть. На него зашикали, чтобы не будить уснувших. Ибо, от такого веселья уже все довольно устали.

К пяти утра, отец Дионисий добрался до свой келье, рухнул на кровать, даже не развязав галстука.

В то утро, весть о помолвке отца Дионисия и Нины, облетело всё село. По-разному люди отнеслись к этой новости. Но, большинство сошлись на том, что действительно пора Нинки замуж выйти. А то засиделась девка в бабах. И рожать ей давно пора. А то, такая ладная и крепкая девица, а не в прок живёт.

Отец же Дионисий, вылежав чуть ли не до полудни, всё-таки встал, и уже на вечернем автобусе отправился в областной город к епископу, сообщить о готовящейся свадьбе, просить благословения, и пригласить, чтобы владыко обвенчал молодых.

Явил он такое дерзновение с дальним прицелом. Первое, чтобы никто его не мог осудить в деяном. Второе, сразу показать себя, что вот он я, и не стоит у меня забирать приход. И третье, с видом на дальнейшее, может место где-то в городе в приходе найдётся, то ли в районном, то ли в областном. А владыко окажется самой лучшей протекцией к тому времени. Ведь сам венчал эту пару.

Владыко принял его, сурово смерив взглядом. Но, ничего не сказав. Помолчал какое-то время, потом голосом, как бы рассуждая, спросил:

- С какими новостями пожаловал? Небось сказать, Феофил преставился?

- Не же, Боже помилуй, я по другому делу.

- Ну, коль Феофил не представился, то выкладывай другое дело. Кстати, что он, как он там, - как бы опомнившись спросил владыко.

- Отец Феофил-то? Да плох. Служения нынче я несусь, с его благословения.

- Хорошо, а у тебя-то что? Случилось что? Беда какая? А иначе чего бы ты припёрся на ночь глядя. Не рядом же живём.

- Не бела, владыко. Жениться я решил, благословите.

- И надо было тебе в такую даль переться?! Феофил ещё жив, что его благословения мало?

- Да немощный он, не стал тревожить.

- Немощный он телом, душа-то его пока в теле, так он и остаётся священником.

Видя, что дело получает такой оборот, Глеб-Дионисий, упал на колени:

- Владыко, не оставьте, помилуйте, вашего благословения жаждет душа моя.

- Эко тебя забрало! Ладно, встань пока с колен. Лучше скажи, кто она, твоя суженая. Давно ли знаком с ней? Из какой она семьи? Верная ли в Боге?

Глеб-Дионисий вскочил с колен:

- Да, да, владыко, давно её знаю, очень давно.

- Как их фамилия хоть? Может проверю.

Но, после некоторого раздумья, друг сказал:

- Да нет, не стану я проверять. Когда кто-то кому-то даёт характеристику, так как о покойниках говорят, или только хорошее, или ничего.

- Становись, дам тебе своё благословение. Чего, зря что ли в такую даль пёрся.

Глеб-Дионисий поспешно встал на колени. Владыко, покрыв его покрывалом, возложив ему руку на голову, стал молиться.

Благословение.

Отец Дионисий, ввернувшись в село, по утру, решил идти к отцу Феофилу. И проведать, узнать, как здоровье, и испросить у него благословение на союз с Ниной.

Он верно рассудил: «Узнает, что ездил за благословением к Владыке, недоброе заподозрит. А мне это надо?»

Когда отец Дионисий вошёл в комнату к отцу Феофилу, тот привстал с кровати, встречая гостя.

- Никак за моим благословением пришёл, - вместо приветствия спросил он.

- Да, отец Феофил, - опешил от такого вопроса отец Дионисий, а про себя подумал: «Что вещун он что ли?». В слух же сказал:

- Простите, не мог раньше.

- А что так? С бодуна хворал?

- Да отец Феофил.

- Заладил тоже мне, отец Феофил, отец Феофил. В область на вечер чего катал? Тоже хворь лечил? А то в селе лекарей нет?

И что-то шибко быстро засобирался в мужья. Небось приход боишься потерять. А жизнь себе сломать не боишься? Хорошо ты знаешь ту Нинку? С её огонь-характером совладаешь?

Мне-то ладно. Дал тебе то благословение и забыл. Бог много с меня не спросит. И большие грехи прощал мне. И хоть, не совсем ты мне по душе, но всё равно жаль тебя. Я скоро домой. А тебе ещё долго жить. Вид святости ты научился напускать на себя. Но, внутри-то пуст. А коль сам пуст, как наполнишь ту Нинку? А ей матушкой быть. Тоже труд, и немалый.

Вот и не знаю теперь, как с тобой поступить.

- Да отец Феофил, что вы. Сами же сказали, дал и забыл. А там, даст Бог, Он нас с Ниной и переродит. Ведь сами говорили: Бог может всё. Чего же так, сразу хоронить всякую надежду.

- Вот что ты научился, так это убедительно говорить. Если бы каждое твоё правильно произнесённое слово так же надёжно в тебя же и вселялось, у Господа с тобой не было бы хлопот.

Отец Феофил прилёг, закрыл глаза, и казалось бы, совсем забыл про отца Дионисия.

А тот стоял в растерянности, не зная, что ему дальше делать.

Но, отец Феофил проснулся так же неожиданно, как и уснул, и сказал:

- Семейство Ветренко трудовая семья. С Богом они по стольку, поскольку. Но, и это не беда. В праздники не забывают храм, как и многие. Если всё правильно поставить, можно привести их семью не просто в прихожан.

Но, ты же наверняка подарил им надежду. И так, их Нинка засиделась в девках. В кое века ей счастье подвалило. Да и откажи я в благословении, в глазах сельчан, на старости стану изверг, бездушный. Разлучатель любящих людей.

Получается так, что у меня выбора нет. Ты меня поставил перед тем, что я вынужден дать тебе благословения. Я и дам. В конечном счёте, это твоя жизнь.

Завтра приходи с Нинкой, где-то к обеду.

Коварный план.

Пришло время, Глеб и Нина, в пятницу расписались в ЗАГСе. А, в субботу, полное служение было посвящено венчанию рабы Божьей Нины, и раба Божьего Глеба, в постриге Дионисий.

Венчал их сам областной епископ. Был на служении, и отец Феофил. Из последних сил, опираясь на посох, отстоял служение.

Когда же народ повалил в сельский клуб, где были накрыты для всех столы, отец Феофил, опираясь на руку матушки и посох, тихо побрёл домой.

И, воскресное служение отец Дионисий вёл уже уверенный в том, что это его приход, хоть ещё не было рукоположения и благословения на это ни от областного, ни от местного патриархата.

Сельсовет, ново созданной семье выделил дом, щедро оплаченный областным советом церквей. Дом освободился, буквально полгода назад. Когда-то построенным сельсоветом для механизатора, которого переманили из города в колхоз.

Развал союза, развал колхоза, и механизатор нашёл себе работу в городе, освободил этот дом.

Ну требовал немного ремонта, чуть обстановки. Но, это не проблемно. Батюшке, за умеренную плату, сельские мастера, всё сделают. В средствах особых трудностей не было. Так-то Дионисий бережливый человек. За годы до свадьбы, он собрал энный капитал. Да ещё со свадьбы удалось сколько то собрать. Так что и ремонт дома, и остановку соорудили быстрою

И началась у Глеба-Дионисия семейная жизнь.

По началу всё было хорошо. Их вдруг охватили такие трепетные чувства друг ко другу.

Нина стала посещать церковные служения. Ей очень нравилось, когда её называли матушкой. Молодые даже за советами приходили. Односельчане смотрели на неё с почтением и уважением. Матушка всё-таки, авторитет!!

И длилось это не более полугода.

За это время успел предстать перед Богом отец Феофил. Похоронили его без особой пышности. Он сам завещал, чтобы всё был чинно и просто.

Как и планировал отец Дионисий, приход достался ему.

Шло время, приход много дохода не приносил. А деньги, накопленные Глебом до женитьбы, быстро расходились с молодой женой. Нина ни в чём себе не отказывала. Ни в нарядах, ни в украшениях. Да и поесть была не дура. Вдруг в ней проснулся изысканный вкус. Как это матушка будет есть что попало!?

А стеснённость в средствах, порождает и раздражение, и скандалы. И уже не однажды Глебу пришлось выслушивать от Нины:

- Раз так, к маме уйду!

И не было смирения в душе, ни у Глеба, ни у Нины.

Как-то отец Дионисий был в области на семинаре. Теперь, когда он стал отцом прихода, областные отцы стали его приглашать и на конференции, и на семинары, уча, так сказать уму служения.

Так вот, на этом семинаре, познакомился отец Дионисий, с отцом Ануфрием. Почти одногодки. Оба недавно женились. И, ко всему, отец Ануфрий оказался очень весёлым компанейским парнем. Они побратались в пьяном угаре. Из речей отца Ануфрия, отец Дионисий узнал, что тот служит в областном храме. И что там и пожертвования очень щедрые. А праздники чуть ли не ежедневные.

В праздничные дни хватает и продуктов от прихожан. Кроме всего поминальные субботы. Особые сборы. Храмовый магазин. И так далее, и так далее.

После этой встречи, замыслил отец Дионисий перебраться как-то в область.

Долго разрабатывал план, и ждал случая, чтобы его воплотить в жизнь.

И случай представился. Правду сказать, что Бог помог, это будет вообще не правда. А вот кто помог, думайте сами.

Последнее время часто стали проходить семинары. Ибо много молодых отцов появилось в окружающих церквях. И их надо было обучать. И отец Дионисий не раз встречался с отцом Ануфрием. И они, как бы стали друзьями, чуть ли не разлей вода.

Против церкви Преображения, в которой проходили семинары было небольшое уютное кафе. И молодые отцы, и их преподаватели не редко пользовались услугами этого кафе. Тем более, как сами шутили, цены тут были Божеские.

А за квартал по той же улице, был приличный ресторан. Конечно там цены очень отличались от Божеских.

Его и облюбовал Глеб -Дионисий. И, соврав своему другу, что есть повод, у него день рождения, во время очередного семинара, выбрал сессию поскучней, пригласил отца Ануфрия отметить это знаменательное событие.

В ресторане добряче накачав друга, сам же чуть прикоснулся к горячительным напиткам. Улучшив момент, вышел на минутку, как бы по нужде.

Не далеко от ресторана дежурили девицы, ожидая своей награды за древний труд. Их и пригласил Глеб - Дионисий, заплатив наперёд за час удовольствия.

Зашёл с ними в ресторан. А минут через пятнадцать сказал, что знает место потише и поуютнее. И привёл уже не соображающего друга и девиц в то кафе, зная, что вот-вот в то кафе на перекус выйдут семинаристы, и их преподаватели. Будет там и преподобный-владыко.

Когда уселись в кафе, девицы умастились на коленях отца Ануфрия. В этот момент Глеб-Дионисий выскочил из кафе. Увидев преподобного, подошёл к нему, как бы разбирать духовный вопрос из лекции преподобного.

Ничего вразумительного он сказать не мог. Но, этого и не требовалось. Надо было только войти в кафе вместе с преподобным.

Так и случилось.

Вопиющий эпизод, сидит отец Ануфрий, а на его коленях девицы.

Начались разборки, вопрос об отлучении.

И тут выступает отец Дионисий:

- Не думаю, что стоит отца Ануфрия отлучать от церкви. Не стоит лишать и сана. Молод, с кем не случится. При церкви, при служении можно оставить, хоть и наказать стоит. Перевести его приходским священником в какое-нибудь маленькое село. Вот в такое, к примеру, как моё.

Не сразу отцы церкви приняли решение. Но, мысль была заронена. И теперь Глебу-Дионисию оставалось только ждать, когда она созреет.

И она созрела черед полтора месяца.

Отец Ануфрий приехал заменить отца Дионисия в ведении его прихода. Он же наследовал и дом Дионисия.

Тот же, со своей красавицей Ниной, перебрался в областной город, в квартиру отца Ануфрия.

Доля, доля...

Ещё один период жизни начался у отца Дионисия.

Не того он ожидал, мечтая о жизни в областном городе.

Первое, не он руководил приходом и церковью. Так что, тропинку к пожертвованиям ему никто не открыл. Пришлось искать нетрадиционные пути.

Жалование было побольше, чем в селе. Но, в селе он мог и землёй кормиться. А тут всё из магазина и базара.

У матушке вдруг появилось куча подруг. Она только то и делала, что примеряла новые и новые наряды, собираясь на новые и новые встречи с подругами, то по одному поводу, то по-другому.

Служения он нёс чаще вечером. О проповедях и не думал. Хотя, поговорив с ним, не думаю, что его преподобие решил бы ему доверить кафедру. Раскрывая какую бы то ни было тему, от него можно было услышать, в лучшем случае, пересказ прочитанного перемеженный с лозунгами и чем-то подобным.

Так незаметно его служение свелось к тому, что он стал чем-то вроде завсклада, отвечающий за вещи и гуманитарную помощь откуда бы она ни поступала.

Должность, надо сказать, не блистала. Даже его матушка брезговала что-либо брать из той помощи, так как там были вещи очень далёкие от новых и красивых.

Пришла и та пора, когда отец Дионисий, идя на службу, мог даже позавидовать тем нищим, которые толпились у ворот входа в храм. Те и то больше собирали, чем перепадало отцу Дионисию.

И тут пришла ему в голову шальная мысль, увидев ящик для пожертвования в руках послушника Ивана, он подошёл к нему, тихо шепнув:

- Иди, там их преподобие тебя для чего-то вызывает. А я тут за тебя немного постою.

Послушник с непониманием взглянул на него, но, коль тот говорит, значит так оно и есть. Передал ему ящик для пожертвований, и пошёл в храм.

Глеб же с ящиком тут же нырнул за угол, там складным ножичком, аккуратно выдернул скобу замка, достал сколько мог из того ящика. Ручкой того же ножа заколотил скобу на место и пошёл скромно встал у ворот, пока вернётся послушник.

Тот, придя, спросил в совершенном непонимании:

- О каком преподобном вы говорили? Не приехал преподобный ещё. Служба то ещё через час. Вот тогда и приедет.

- Что ты говоришь? Ну извини, возможно это я что-то напутал. Вот ящик, стой и дальше.

В этот раз проскочило. Никто не заметил его деяние с ящиком. Хоть и немного выручил в этот раз, но на недельку худо-бедно хватило.

Что же предпринять дальше?

При входе в храм дьякониса Марфа торговала свечами, крестиками, иконками.

Заприметил Глеб, как она крупные купюры откладывает под образ Николая Угодника, который у неё лежал под прилавком на полочке.

Раз, заходя в храм, он подошёл к ней и тут же с просьбой:

- Матушка, там в дальнем покое какой-то прихожанке стало плохо у иконок. Мне, как мужчине не удобно ей помощь оказывать. Может ей платье расстегнуть надо, или ещё какую помощь оказать. Сбегали бы матушка, посмотрели. А я пока тут у вас подежурю.

Та, в простоте душевной, понеслась спасать душу.

Глеб же быстро запустил руку под икону Николая Угодника, нащупал небольшую пачку денег, тут же её под рясу и встал у прилавка поодаль с отсутствующим лицом, вроде бы как молясь про себя. Вернулась дьякониса Марфа с вопросом на лице.

- Что, что там, всё обошлось?

- Что-то ты крутишь отец Дионисий. Нет там такой, кому бы плохо стало. Я спросила всех у иконок, никто не видел женщины нуждающейся в помощи.

- Неужели!? Ужас-то какой! Видел же сам, как она томно, вся бледная, на пол опускалась. Возможно просто помолиться? А я то решил... ! Надо же!

И в этот раз Глебу его проделка сошла с рук. Видимо, пряча купюры под икону дьякониса Марфа не считала их сразу, а охрану целиком и полностью полагала на Святого Николая. Не того, как видно, стража обрала.

И вот таким образом, чувствуя свою безнаказанность, восхищаясь свое изобретательностью, Глеб и искал теперь постоянно себе всё новый и новый источник дохода.

Раз, идя на службу, он увидел у входа, у ступенек парня в коляске.

«Достали эти нищие», - подумал он про себя.

Но, парень как-то странно вёл себя. Он не просил милости, а, указывая рукой на двери, кричал:

- Я туда хочу, к Господу хочу, помогите мне туда попасть.

Ещё не понимая, что происходил, отец Дионисий подошёл к инвалиду:

- Что же ты кричишь, блаженный? Подаяния ты уже получил. Вот бы и ехал домой. Дело ли, народ смущать.

- Я же не за подаянием приехал. Мне бы к Господу. Я к Иисусу хочу.

- Эко забрало блаженного! Всеми своё время. Хочешь к Господу, будешь у Господа. Но, видимо, ещё не пришёл твой срок. Давай, давай любезный, езжай.

- Но, я туда хочу, - указал парень на ворота Храма. Помолиться, может какую свечку поставить. Я не знаю, что надо, чтобы Господь меня принял. Вот вы и посоветуйте.

Казалось, священнослужитель на какой-то миг задумался. Но, видимо, перспектива, тащить инвалида на коляске по крутым ступеням, его никак не устраивала. Просить прихожан, которых было вообще-то достаточно, чтобы помочь, ему даже в голову не пришло. А те, не зная причины того, что происходит между попом и инвалидом, равнодушно проходили мимо. И, поп принял решение:

- Вот что, болезный, сейчас служба, не до тебя. Приди как-то в другой раз. Там что-нибудь придумаем. А пока, с Богом любезный, не смущай народ православный.

И отец Дионисий, не теряя достоинства, стал степенно подниматься по лестнице.

Инвалид на коляске развернулся, понутив голову покати́л восвояси.

Что-то не доброе замутилось в душе священника. Он, как бы на миг вспомнил, что он служитель Божий. Но, это длилось только миг. Мысли о том, где бы он сегодня разжился очередной порцией «пожертвования», полностью захватили его.

Но, после того, как он отказал в помощи калеке, «фортуна» отвернулась от него вовсе.

Первое, что бросилось в глаза Глеба, так это дьякониса Марфа. Как раз в это время от её прилавка отходил клиент. По виду довольно богатый. Даже, как показалось Глебу, иностранец.

«Вот тут есть чем поживиться. Этот «перец», наверняка долларами рассчитывался».

Поймав у входа парнишку, он дал ему пять гривен с сказал:

- Вот видишь ту тётю за прилавком? Пойди и скажи, что её зовут там на улице.

Парнишка, спрятав в карман деньги, подошёл к дьяконисе и что-то ей говорил, показывая на входную дверь в храм.

Та собралась и пошла к выходу.

Глеб не терялся. Тут же шмыгнул за прилавок. Согнувшись, искал, где же тот охранник в образе Николая Угодника.

Когда он поднял голову, прямо перед ним стояла дьякониса Марфа.

- Так вот значит куда у меня пропадают деньги! То-то, то плохо прихожанке, а её нет, приехал преподобный и срочно меня вызывает, немедленно зовут на улицу. Так, отец Дионисий, ты уж иди, и на тебя найдётся суд. Но если я тебя увижу у своего прилавка в дистанции пяти метров, добром ты не отделаешься.

Глеб быстро выскочил из-за прилавка и опрометью бросился из храма.

Там у ворот увидел инока Ивана с ящиком для жертвования. Подойдя к нему, сказал:

- Слышишь дорогой, ты поди отдохни, я постою. Мне всё равно надо тут одного прихожанина дожидаться.

Инок спокойно отдал ящик отцу Дионисию и спокойно зашагал в сторону храма.

Когда он скрылся за дверями храма, Глеб тут же бросился за угол, где не ходили люди.

Достал складной ножик из кармана. Только взялся вскрывать уже очень податливую петлю, как ощутил, что кто-то положил ему руку на плечо.

Обернувшись Глеб выпустил из рук ящик для жертвования. Перед ним стоял инок Иван. Лицо его выражало крайнее ехидство.

- Что батюшка Дионисий, пример Иуды на вас положительно подействовал?

- Какого Иуды? – не понял Глеб: - да ты что? Ты не понял. Я тут хотел подтянуть петлю.

- То-то я и понял, что после неоднократного вскрытия, она так расшаталась.

- Так, бери ящик, и марш на место, - напустив на себя строгость, приказным тоном скомандовал отец Дионисий.

Инок Иван покорно взял ящик и отправился с ним опять к воротам.

«Вот влип!», - думал про себя Глеб: «Узнает преподобный, мало не покажется».

И, неизвестно, кто сообщил преподобному, но, в тот же вечер он вызвал отца Дионисия к себе в келью, и с суровым видом стал беседовать с ним:

- Что я услышал отец Дионисий! Ты, оказывается, не чист на руку! Ты ли не получаешь с прибыли храма своё жалование?

- Ну какое это жалование, слёзы, да и только.

- Слёзы говоришь? Похоже не знакомо тебе это чувство – слёзы. Вот как теперь мне с тобой поступить? Может в самом деле довести тебя до того исступления, чтобы ты плакал без устали?

- Преподобный, всё понял, искуплю, любое наказание, всё исправлю. Вымолю у Господа, - запричитал отец Дионисий, почуяв, как над ним собирается настоящая гроза.

- Выносить такой позор на все людно, это пятно на всё духовенство. Не долго до прихожан дойдёт. И так о нас судачат что попало. И всё из-за таких как ты. Но, без наказания я тебя не оставлю.

Первое, чтобы близко не подходил, когда будет евхаристия. Сними клобук и наряд. Одень простую рясу. Каждый день, после служения, будешь мыть полы в храме. И, каждый вечер, сто раз молитва «Отче наш» и сто раз «Пресвятой Деве Богородицы». И всё это в течении года.

Да, и жалование я тебе урезаю на треть. Пожил в изобилии, учить жить и в скудости.

Какая-то злость и ярость жаром рвалась из груди Глеба. Но, вид у него был смиренный. Научился, пока был иноком, прятать свои чувства.

Видимо, подкупленный таким смиренным видом, преподобный отпустил его.

Дома ещё подлила «масла в огонь» матушка Нина.

Не обращая внимание на то, что муж явился в крайне плохом настроении, та кокетливо виляя бёдрами, подошла к нему, и с некоторым юмором, который мог показаться издёвкой, наигранным голосом произнесла:

- Ваше преподобие, вашей красавице матушке, на благотворительный вечер «Святые матери ученицы Терезы», нужно новое платье. А то совсем износилась.

- Износилась, - взорвался Глеб: - то и видно, что износилась! Носишься невесть где. Платье тебе надо! Может такое красивое, чтобы тебя на панели заметили? Да-да, ибо очень скоро ты только так и сможешь зарабатывать себе и на хлеб, и на платье.

Ты и не думала, что мне, чтобы как-то удовлетворить твои потребности воровать пришлось.

- Мои потребности? А то, что ты гулял как гусар, а я на всё глаза закрывала – это не в счёт?

Ещё долго они доказывали друг другу, кто из них хуже, и легли спать в разных комнатах.

Потом потекли дни епитимии.

После служения, дождавшись, когда все прихожане и служители покидали храм, оставался один сторож, Глеб, вооружившись шваброй, тряпками и ведром с водой, долго с яростью натирал полы, протираял всё, что надо было протереть.

Украсть было нечего. Всё, что можно было убрать от глаз Глеба, от соблазна, было убрано.

Уборка храма не самое страшное наказание для Глеба. За годы послушничества он ко многому смог привыкнуть.

Большее наказание было то, что уборка три раза в неделю, среда, суббота, воскресенье. Остальное время приходилось сидеть дома и постоянно видеть суровое лицо матушки Нины, которая и не думала прощать своего непутёвого мужа.

Дошло до того, что он вообще не хотел возвращаться в свой дом, чтобы только не видеть лица своей «дорогой половины».

И начал Глеб прикладываться с бутылочке. Сначала по чуть-чуть, потом побольше. И вот пришло время, когда он вообще из похмелья не выходил.

Убирать в храме он начал как попало. За что уже не раз получил выговор от преподобного. Но, исправляться не спешил.

И вот случилось что-то непоправимое.

В один прекрасный летний вечер, хотя уже веяло некоторой прохладой, изрядно накушавшись, Глеб брёл домой. Храм, надо сказать, находился в парковой зоне. Вернее сказать, когда-то это был парк. И так, бредя по одной из алей того прихрамого парка, он уселся на скамейку. Уснул и свалился с неё. Во сне, крутясь, как-то умудрился оказаться в придорожных кустах.

В те дни, с одной из воинских частей сбежал солдат с автоматом, в котором был рожок набит боевыми патронами.

Ушёл, говорили, с поста, где был поставлен, из-за своей женщины, которая ему изменила. Так, не так, кто уточнять будет? Но, как бы там ни было, на его поимку были снаряжены солдаты, под командованием старшего лейтенанта в количестве семи человек, и наряд полиции, по всему городу. В район предполагаемого прибытия дезертира, были отправлены полицейские в количестве двух человек, более-менее знающих город, в особенности район поиска.

Полицейские новобранцы. Ещё, так сказать, необстрелянные. И вообще, впервые принимали участие в операции такого рода.

Этому отряду было донесено, что дезертира видели в городе, в районе того парка, где находился храм.

Полицейские, идя вдоль аллеи, решили разделиться. Один прочёсывал правую сторону, второй левую.

И вот, идя полевому краю аллеи младший сержант Петренко, заметил, что кто-то прячется в кустах за лавкой. Стал аккуратно приближаться.

И надо же было в это время, что-то привиделось Глебу в пьяном сне, тот вскакивает с земли, начиная реветь не человеческим голосом.

Младший сержант Петренко от неожиданности и страха, нажал на курок автомата.

Сказать, что младший сержант был отличником боевой подготовки, так ведь нет. На стрельбищах его мишень была поражена в радиусе два-три. Да и кучность можно было бы назвать не кучностью, а рассеянием.

А тут, со страха, одиночным выстрелом, он угодил в цель и прямо в сердце.

Так вот бесславно оборвалась жизнь отца Дионисия.

Находясь в вагоне «Небеса – конечная», глядя в тёмное окно, перед Глебом медленно проплывала вся его жизнь. А над окном висел монитор, в котором, как бы комментируя его жизнь, шли картинки, чтобы было, если бы он себя вёл по жизни не так, а иначе. Стыд и боль сжимали его душу. И он не был уверен, в небеса ли доставит его этот вагон.

Глава 5

Младший сержант Петренко.

Конечно, Слава не родился младшим сержантом. А как многие родился в простой рабочей семье, весом три семьсот.

Мать с отцом любили в меру пестовали его.

Рос он шупленьким парнишкой. Не сказать, что чем-то болел. Просто такая мелкокостная структура у него была. Хотя и мать его худой не назовёшь, и отец был в теле.

А так, окидывая детство и школьные годы Славы, так и писать нечего. Нет таких моментов, чтобы читатель, захваченный сюжетом, в душе сказал: «Ух ты!»

Может, что-то стоящее у него началось в юности.

Кое-как доучившись до восьмого класса, сдав экзамены за неполное среднее образование, получив аттестат, пошёл и поступил в строительный техникум.

Вот как-то так повелось, кто очень хорошо учился в школе, имел склонность к математике, химии, физике, те редко поступали вообще в техникумы. А уже заканчивали школу и поступали в престижные институты.

Ну а троечникам шли в ФЗУ, или строительный техникум. И родители в захвате, есть чем гордиться, сынок студент, и у студента есть все перспективы в люди выйти.

Большей частью такие, поработав какое-то время пом. мастера, или (если повезёт), мастером, переходили в рабочие, которые втрое больше мастера получали.

Учась на первом курсе техникума, Слава познакомился с второкурсницей Лилей. Долговязой худенькой девушкой с очень симпатичным личиком.

Эта первая юношеская любовь так захватила его, что он мог днями находиться около возлюбленной.

Но жизнь диктовала свои условия, и потому им приходилось встречаться не чаще чем три раза в неделю.

В один из таких весенних дней, они встретились. Сначала сходили в кино. И, уже настроенные на обсуждение фильма, пошли в парк, нашли скамеечку в глухом углу парка, заняли её. И, перемежая впечатление о фильме поцелуями, безмятежно проводили время.

Вдруг откуда-то появились три парня.

Один из них рыжий не высокий, но с плотно сбитой фигурой. Второй долговязый худой и совершенно белобрысый. Третий почти на голову выше долговязого, но уж очень солидной комплекции. На фоне своих друзей выглядел как внушительно, так и чем-то привлекал внимание какой-то внутренней светящейся добротой.

Компания остановилась против лавочки на которой сидела пара.

- Ты, чувак, а кто будет платить за эксплуатацию нашей лавочки? – с ухмылкой завёл разговор низкорослый, глядя на явно испуганного Славу.

Тот, бравируя перед своей девушкой, пытался ещё что-то возразить:

- А где здесь написано, что это ваша лавка?

- Чё, хочешь, чтобы мы тебе шнифты протёрли? Тогда крупным по белому увидишь, что это наша лавка. – Вступил в разговор рыжий.

Слава пытался подняться, но резкий приказной тон низкорослого, остановил его:

- Сидеть! Плати аренду, и мы тебя живым отпустим.

- Какую аренду?

- Ну, так, думаю, за первый раз, четвертака достаточно будет.

Слава пытался ещё что-то возразить. Но, рыжий со всей силы двинул ему в нос кулаком. У того из носа брызнула кровь.

От происшедшего третий парень побледнел и медленно стал оседать на землю.

Не обращая на него внимания, рыжий и низкорослый, принялись охаживать ошарашенного Славу.

Тот ещё пытался сопротивляться.

Визги девушки, и шквальный град ударов приятелей, то рукой, то ногой, сделали своё дело.

- Слава, - взмолилась Лиля, - отдай ты им деньги.

Избитый, окровавленный Слава, вытащил из заднего кармана тощий кошелёк и бросил его к ногам нападавших.

- Забирайте. Это всё, что у меня есть.

Рыжий не спеша нагнулся, поднял кошелёк, раскрыл, заглянул внутрь, и сказал парню:

- Вали теперь отсюда. И метёлку свою забирай. – указал он подбородком на Лилю.

Слава, обняв её за плечи, прихрамывая, поплёлся с ней от того, ужасного для них места.

Лиля повела Славу к себе, ибо её дом был недалеко. Там она обработала ему раны, омыв водой.

Ссадины примочила марлечкой смоченной одеколоном. Дала льда, чтобы он приложил к синякам на лице.

Заставила раздеться и вычистила его куртку и джинсы, которые он вывозил лёжа на земле и уклоняясь, как мог от ударов налётчиков.

Ближе к ночи, когда боль поутихла и ссадины не так тревожили, Слава, в знак безмерной благодарности, уже обнимал и целовал Лилю.

Так незаметно они оказались в постели, и Слава в эту ночь стал мужчиной.

Ох уж это женское сердце. Жаждет встретить героя, этакого рыцаря на белом коне. А, когда видит несчастного, избитого, то тут же тает перед ним в жалости и заботе.

Чистота Славиных чувств не вызывала сомнений. Он уже на утро хотел предложить Лили руку и сердце.

Но, когда он пытался заговорить об этом, она нежно его остановила:

- Не спеши Слава. Ты же меня совершенно не знаешь. Я, во первый старше тебя на три года. Оно сразу не заметно. А с годами тебе всё надоест. И будешь с тоской поглядывать на более юных девиц. А со мной если и будешь жить, то только из благодарности, или жалости. А мне это надо?

- Подожди, откуда у тебя такая уверенность? Ты-то откуда это знаешь?

- Знаю, есть такой чужой опыт у меня, - уклончиво ответила Лиля.

Тем разговор и завершился.

Любовь зла...

Завершился в тот раз разговор. И у Славы остались вопросы: «Может не хочет, потому что не считает меня достойным, способным ей дать то, что надо? Да и что надо этим женщинам?» И совершенно не брал в учёт, что-ему-то всего пятнадцать лет, а Лили уже восемнадцать. Её душа жаждет серьёзных отношений. А что взять с такого ребёнка как Слава? Юнец же, распаяя себя в мечтах, уже видел себя супер героем. Знающим приёмы боевых искусств.

Вот подходят те парни в парке, а он им, бац-бац, и те лежат. Почему-то в голове не созрела мысль, чтобы научиться боевым искусствам, сначала надо хоть в какую-нибудь секцию записаться. А там уже, терпя боли и синяки, постигать то искусство. Но, посетила вдруг другая мысль – пойти в армию. Мол там куются настоящие мужчины. Такое, во всяком случае, понятия всегда внушают юнцам.

Но, и до армии ещё три года надо было отбыть на гражданке. На смену его героическим мечтам приходили рядовые будни. Довольно-таки частые встречи с Лилей, её податливость, полная доступность привели к тому, что Славе она стал уже не интересна. Какое-то время он терпел её. А потом стал грубить в открытую.

Теперь сколько-то Лилия его потерпела, а потом просто выгнала и перестала с ним встречаться. Тут вскипела вдруг ревность в юной душе. Роль отверженного никому не нравится, и приходится снова завоёвывать даму сердца.

Лилия же оказалась из тех девушек, которые, порвав с кем однажды, уже не дают заднего хода. А навязчивые до приторности ухаживания Славы, её порядком выводили из себя.

И вот, как-то она подговорила своих однокурсников, и те отвалтузили Славу, на славу. В этот раз это было посерьёзнее, чем, то нападение в парке. И уже без какой-либо помощи, самому себе пришлось делать примочки и класть лёд на гематомы.

После этого любовь у Славы погасла насовсем.

И потекли его годы, побежали дни до самого восемнадцатилетия.

И, прежде чем его призвали в армию, он успел закончить строительный техникум и чуть-чуть поработать на практике в одном и РСУ.

А практика такова, все её проходят. Сначала пом. мастера. Далее если повезёт, мастером.

Но, чем больше работаешь в этих должностях, всё больше хочется перейти в рабочие. И ответственности меньше и заработка в три раза больше.

И кто его знает, как бы обернулась строительная карьера Славы, но тут его и призвали в армию.

Армия.

И пришла суровая осень, в которую Слава ушёл в армию.

Проводы были не долги и не пышны.

Перед отправкой, когда он сел в автобус, в толпе провожающих стояли его отец и мать. Мать, не скрывая слёз, плакала. Вид у отца был строгий. Лишь глаза выдавали, что вот эти проводы давались ему тяжело, душа болела за сына.

В то время ещё служба была два года. Но, и они многим казались вечностью.

Призывники, по большей части вели себя беспечно. Что-то кричали своим девушкам, которые пришли их провожать. Многие были на взводе от выпитого. Да и их девушки тоже, по части выпить от них не отставали.

Но, всё-таки внушительная масса были родители.

Среди них тоже разные встречались. Были и такие, как Славины. Скромные, переживающие за своё чадо. Были папаши, которые видимо только того и ждали. Изрядно выпившие, (благо есть повод) выкрикивающие лозунги, подбадривая своего «героя Украины». А тот, клевал носом, даже не соображая, что творится кругом и только глупо улыбался.

Но, как бы там ни было, автобус тронулся строго по времени, оставляя ту разношерстную толпу со всеми их амбициями.

В последние годы, то ли из соображения экономии, то ли из лояльности, но далеко служить не отвозили. Какая часть стояла по близости того населённого пункта, туда и везли служить.

В той местности, где проживал Слава, стояла артиллерийская часть.

Там Славу, вместе с другими новобранцами и выгрузили.

Прапорщик, грузный дядя, рассказал им в тот день:

- Вот птенцы, будем вам ковать крылья. Вы теперь не у мамки под юбкой. Здесь вам хныкать никто не даст. Приказ старшего по званию, для вас святой закон. Скажут вывалиться в дерьме, вывалешься. А нет, так превратим вас самих в дерьмо.

Потом пошла служба. Месяц карантина, который называли учебкой.

Учились быстро подниматься по команде «подъём». Учились чистить сапоги до блеска. Учились подшивать подворотнички. Учились вышагивать по плацу, печатая шаг. Учились петь маршевые песни. Учились быстро есть, проглатывая чуть ли не жуя горячую пищу, чтобы по команде «выходи строиться», не остаться голодным. Учились проводить досуг, сидя в «красной комнате» писать письма родным и близким. Учились на политзанятиях не спать, постигая невесть что и для чего эту «науку».

А чему не учились? Так это тому, чтобы собирать-разбирать автоматы. Заряжать и стрелять из пушек, миномётов, и там всему тому, о чём могло бы сказать название «Артиллеристский полк». Складывалось впечатление, что в этой части вообще не было ни пушек, ни миномётов.

В завершении учебки, принимали присягу на верность родине. Для чего был принесён один автомат с пустым рожком, и его выдавали каждому, кто принимал присягу в нагрузку к красной папке, в которой был напечатан тот текст и который необходимо было произнести.

И уже «выученные», были распределены по ротам.

Слава, за время учебки сдружился с двумя парнями. Но, при распределении их всех раскидали по разным ротам. И оставшееся время службы они уже виделись лишь изредка.

Вот где началось настоящее учение. Первыми педагогами были «старики». Тем надо было чистить сапоги, подшивать подворотнички, быть дневальными у их тумбочек, когда те ложились спать в дневное время.

И хоть руководство частью, на словах, боролись с дедовщиной, но на всё это смотрели «сквозь пальцы».

Старики могли выпить, сходить с самоволку. Если это попробует сделать дух, то его встреча тут же состоится в каптёрке со стариками. А там разбор короткий. Избитый после своего нарушения устава вылезал оттуда, чтобы укрыться где-то, поплакать, и хоть как-то утихомирить «залезать» свои раны.

Насколько это правильно не знаю, но те, кто таким образом учился не позорить ни часть, ни звание солдата, потом, сторицей догонял нарушая всё это, когда становился стариком, а уж за тем дедом.

Слава, либо в силу того, что был по характеру не смелый, или хорошо был воспитан (там сразу не разберёшь?), редко бывал в каптёрке на воспитании. Раза два попал на мелочах, и то больше по придирке деда. Зато и был бит мало.

Наряду с этим, всё-таки учили разбирать-собирать автомат. Стрелять по мишеням.

За взводом, в котором служил Слава, числился дивизионный миномёт.

Для тех, кто не знаком с этой боевой техникой, так это просто толстая труба, диаметром где-то 160 миллиметров. Из-за её внушительного веса, ту возили на колёсах.

На позиции её ставили на такую же внушительную по весу тарелку, чем-то напоминающую НЛЮ. В боевой позиции до прицела мог дотянуться только воин не ниже 1.80. Снаряд мина опускалась в горловину трубы, предварительно обвязанный пороховым пакетом.

В чём хитрость стрельбы? Ну возможно в очень сложной, невесть кем рассчитанной наводкой по цели. Кстати, миномётчики дивизионного миномёта свою цель никогда и в глаза не видят. Куда там наводить? Все координаты поступали из командного пункта.

В первом же учении, в котором Слава принимал участие, через час приехал полковник и заорал:

- Вы стреляли или нет, чёртовы дети? Куда снаряд улетел? Всей дивизией ищем.

- Извиняюсь, товарищ полковник, снаряд был выпущен по команде и строго в цель, какую нам указали из штаба, - оправдывался лейтенант, командир того отделения.

- Ты мне поговори ещё! Самого заставлю искать, по какой цели вы выпустили тот чёртов снаряд.

Взвод возил за собой четыре дивизионных миномёта. И почему-то только на тот миномёт, который был в отделении Славы, всегда сваливались разные неприятности. И не мудрено. Он один участвовал во всех учениях.

Про армию писать, так это надо издавать отдельную книгу. В ней всегда найдётся, что рассказать.

Но, цель у нас иная, короткими метками зафиксировать жизнь парня по имени Слава. Несомненно, в становлении мужчины, армия что-то да даёт. Это утренняя зарядка приучает к какому-то порядку. Это кроссы с полной выкладкой, автоматом за плечами рюкзаком, набитым не весть чем, вырабатывает волю к победе. Да ещё и километров пять. Этого пять раз для воспитания воли хватает. И поднимали для этого именно тогда, когда бойцы только начинал видеть самые сладкие сны. Это и боевые учения, когда тот невероятно тяжёлый миномёт заставляли тащить вручную по сугробам на боевую позицию. Армия очень хорошо воспитывает волю и смирение. Только многие очень быстро забывают все эти уроки, тут же, оказавшись на гражданке. А Слава оказался в своём взводе в некотором роде героем. Первый его героический поступок на полигоне для стрельбищ. Прапорщик, командир отделения, разозлившись, что воин рядовой Петренко, сколько ни учи, всё мимо мишени умудрялся стрелять. Раз, поднял его из-за бруствера, где лежал Слава, ведя прицельную пальбу по мишени, и скомандовал:

- Бегом за мной шагом марш!

Возле мишени он приказал рядовому Петренко:

- Видишь мишень? Давай ищи свои патроны, которые ты по этой мишени выпустил.

И повернулся к ней спиной, указывая рукой на эту мишень. Мишень же, или закреплена была плохо, или ветерок тут помеха, но возьми и рухни на прапорщика. Слава, опрометью, бросился к ней. И, уже у самой макушки прапорщика успел остановить её, упёршись руками. И уже с помощью прапорщика, который, повернувшись помог придерживать мишень, удалось Славы уйти в сторону, и они вдвоём с прапорщиком, благополучно бросили мишень на землю. За проявленные мужество и отвагу, рядовому Петренко было присвоено звание ефрейтор. В полковых учениях снова уже ефрейтор Петренко, проявил сноровку. Это было уже на втором году службы. Дух снял ящик с минами с кузова машины, и как-то неуклюже подхватил его. И ящик с минами, вот-вот мог брякнуться на землю. Случись такое, воронка от разорвавшихся мин была бы внушительная. Стоящий рядом Петренко, тут же подхватил ящик, и уже вдвоём с духом они его осторожно опустили на землю. За этот героический поступок Петренко был представлен на очередное звание – младший сержант. А потом, как-то кончились падения разного рода, и Петренко Славику так и не удалось дослужиться, хотя бы до сержанта. Младшим сержантом он и ушёл в запас.

Исполнения мечтаний.

Наверное, с месяц Слава отдыхал после суровых солдатских трудов. Как-то прогуливаясь по парку, он встретил Лилю. Та шла с коляской, в которой сидел малыш годика полтора отроду. Казалось, что Лиля даже обрадовалась этой встрече. Пошли рядом. Лиля рассказала, что вот теперь она замужем. Муж занимается малым бизнесом. У него две палатки на базаре. Его «тётки» торгуют разной мелочью. Чаем, кофе, конфетами и тому подобное. Нельзя сказать, что очень прибыльное дело. Но, жить можно. Вот и живут в её квартире. Даст Бог, то разбогатеют и расширит муж свой бизнес. А пока вот так, она домохозяйка, так как ещё в декрете. А планы на будущее не особо строит. Славе же особо и похвастать было не чем. Отслужил вот, сержантом вернулся. И все новости. Вдруг они увидели, что им навстречу идут два парня. Идут такие «дружные» ну прям-таки «не разлей вода». А попробуй их разлей, так оба окажутся на земле без всякого шанса подняться самим. Славу как током пронзило. Он узнал в этих парнях тех налётчиков, которые в своё время так обесславили того Славу, когда он миловался с Лилей.

Те же шли в обнимку и им дороги было мало. И видимо не до Славы и кого бы то ни было, было им. Лишь бы добрести петляя до намеченной цели.

И хоть прошли они мирно и мимо, но осадок от прошлых воспоминание у Славы остался.

Уже не зная, о чём ещё говорить с Лилей, он тут же распрощался и отправился восвояси.

Вот так, идя восвояси, снова на него нахлынули героические мечты. В них он жестоко наказывал тех парней.

Так, проходя мимо стенда объявлений в глаза ему бросился один плакат: «Набор в школу полиции», удалось ему прочитать сразу.

«Вот, это как раз то, что мне и надо», - подумал он.

Сорвав плакат с доски объявлений, сунув его в карман, он отправился домой.

Дома сообщил своим родителям, что вот он решил, что не будет сидеть на шее у них, а вот поступит в школу полиции.

Родители тут же всполошились.

- Ну как же так, ты же техникум кончил строительный, вот сколько сейчас строят. Разве нельзя найти работу по специальности? – запрчитала мать.

- Отец, более сдержанный: - Сынок, что тебе армии мало было? Не набегался с автоматом?

Но, Слава проявил такую твёрдость в своём решении, что родителям ничего не оставалось делать, как отступить, предоставив ему самому решать свою долю.

И вот, предварительно созвонившись, потом встретившись для личной беседы с майором полиции, тот начал собирать документы. Проходить мед. комиссию.

То, что он младший сержант запаса дало ему возможность не искать никого, кто бы мог дать ему характеристику или рекомендацию.

И через короткое время, он курсант школы полиции.

Автор не знает, как там обучают, какие дисциплины проходят. Знает только одно, курсы закончились через полгода.

Через полгода Слава был включён в одну из патрульных групп, которой командовал младший лейтенант Ярошенко Вадим Вадимович.

И началась служба.

Не герой, но всё же...

Это случилось в конце лета.

Август хоть ещё и тёплый месяц, но в вечернюю пору в Украине уже чувствуется запах осени и скорой зимы. Если днём даже китель кажется лишним от жары, то вечером, под китель не мешает одень и какой-нибудь свитерок.

Слава со своим старшим по группе Вадимом находились в конторе (так они именовали место, где собирались, чтобы получить задание на патрулирование города). В этот вечер их собралось пять групп.

И вот приходит приказ-разнарядка. Из воинской части сбежал воин с автоматом рожок которого был полным боевых патронов. На его задержание выслана группа из семи человек из воинской части. Оказать им всяческую помощь и поддержку.

Пока не известно было место нахождения дезертира, то рассредоточили все патрульные группы по разным участкам города.

Славе и Вадиму достался как раз тот район, в котором он и проживал.

Неизвестный осведомитель сообщил, что видел подозрительного солдата в районе парка. Тут же группа из солдат под командованием старшего лейтенанта, были переброшены туда.

Им в подкрепление и были даны Слава и Вадим, хорошо знающие этот район.

Парк был оцеплен сразу. Вадим оставил их патрульную машину у центральных ворот, и они со Славой ушли в глубь парка.

И Слава, и Вадим впервые в жизни принимали участи в настоящей операции по поимке и задержанию преступника.

Шли тихо и медленно вдоль алле. Вадим шёл по правой стороне алле, а Слава по левой.

В этом парке находился храм. И вот, не доходя до храма метров двести, Слава увил в кустах у лавочки, что-то подозрительное. Очень осторожно шагая, стал приближаться к той лавки.

Неожиданно из-под лавки поднялось что-то чёрное, огромное и взвыло так, что мурашки по коже побежали.

Со страха, Слава вскинул автомат и нажал на курок.

Раздался выстрел. Автомат был поставлен на одиночную стрельбу.

Тёмная фигура шумно выдохнула и повалилась набок.

Слава подошёл к фигуре. Тут же к нему подбежал и Вадим. Они склонились к упавшему.

От изумления и ужаса расширились глаза Славы. Перед ними лежал на земле поп.

Вадим тут же достал рацию и вызвал скорую помощь и оперативную группу.

На выстрел прибежали, и патрульные солдаты вместе с их старшим лейтенантом.

Удивляло всех, откуда здесь под лавкой оказался поп.

Задача задержать дезертира осталась в силе.

Вадиму пришлось отстранить Славу от операции. Он отправил его в патрульную машину, до полного выяснения этого инцидента.

Сидя в машине, Слава включил внутреннюю рацию. Из неё доносились редки переговоры.

И вот, заработало на волне:

- Юра, вижу его, заходи справа.

- Так, тоже вижу, гоню на тебя.

Через забор (хоть он и был довольно высоким из металлических стержней, заостренных сверху) вдруг перепрыгнул парень. Приземлившись на ноги, вскочил, поправляя автомат, бросился бежать.

И всё это происходило в метрах десяти от машины в которой сидел Слава.

Тот выскочил из машины, даже не прихватив с собой автомат.

- Стой, стрелять буду, - закричал он вслед убегающему.

Тот, развернувшись на ходу, дал очередь в сторону Славы.

Слава почувствовал обжигающую боль в желудке и плече. От боли он упал и потерял сознание.

Он уже не видел, как выскочили патрульные из парка. Не слышал предупреждающего голоса лейтенанта: - предупреждающий огонь.

Но, видя, что дезертир может уйти, приказал:

- Огонь на поражение.

И вот Слава в вагоне с прописанным маршрутом движения «Небеса – конечная».

Сидя здесь, он видит, как разворачивались события позже.

После приказа лейтенанта:

- Стрелять на поражение, - дезертир взмахнул руками и упал, уткнувшись лицом в асфальт.

Видит своё бездыханное тело, лежащее у машины. Как к нему подбежал Вадим, перевернул, положил два пальца на вену шеи:

- Вроде жив ещё, живо скорую.

Вот его грузят в скорую, которая примчалась буквально через пять минут.

Он на операционном столе. Голос хирурга:

- Мы его теряем!

Медицинский аппарат сменил монотонные плачущие звуки на протяжный напоминающий рёв серены звук.

Вот под такую «музыку» прервалась жизнь Славы.

Видел он и свои похороны. Как героя несли его гроб на руках. Впереди гроба его портрет сделанный из до армейской фотки, повязанный чёрной траурной лентой по правому углу.

Осунувшееся лицо отца, и вся в слезах мать во всём чёрном. И процессия из сослуживцев и начальства за гробом.

Видел и разбирательство по поводу гибели попа.

Ситуация действительно была не стандартная. Учитывая насколько был опасен преступник и факт неожиданного появления попа, ко всему с таким рёвом, в довесок изрядно выпившего (экспертиза доказала), Славу оправдали.

Серая, невзрачная жизнь, и совершенно нелепый, не героический конец. Но, для живущих он остался героем.

Глава 6

Василий.

Начиная повествование о Василии, даже трудно что-то о нём сказать такое, что могло заинтриговать читателя.

Парень, выдающихся способностей. В школе он выигрывал математические олимпиады. Превосходно играл в шахматы. И вообще, его аналитический ум готов был свершить революцию в науке.

Непомерная тяга к науке его так вела, что противоположный пол для него как бы и не существовал. Высокий, красивый, всегда аккуратно одетый, вызывал восторг как у одноклассниц, которые его хорошо знали, так и у случайных встречных девушек.

Но, Василий проходил мимо с гордо поднятой головой.

Меня постоянно возмущал тот стереотип батанов, который массово употребляют в фильмах и романах.

Эдакий хлюпик, в очках и какой-то рассеянный казался бы с пелёнок. Сильный в математике, но совершенно не ориентирующийся в жизни.

Василий рушил все такие стереотипы во всех сферах жизни. Если исключить отношения с девушками.

Первое, мало того, что мама с папой с детских лет привили ему уважение к аккуратности, но и многие вещи (прежде всего нижнее бельё), он стирал сам вручную, не доверяя матери для стирки в машинке. (Кстати, к этому она его сама и приучила, думая, что в будущем, когда у неё будет невестка, чтобы сын у той никогда не вызывал отвращение ни запахами, ничем иным).

Второе – если оставался один дома, то сам мог себе приготовить что-то, и даже стремился к изысканности. Из интернета вылавливал какие-либо экзотические рецепты, добавлял к ним изрядную долю собственной фантазии, и с упоением всё это готовил. Даже угощал родителей. Те были восхищены и этим талантом сына. Но, стимулировали его больше на науку.

В-третьих – имел хорошую атлетическую фигуру. Каждое утро начинал с физзарядки и обливанием холодной водой. Посещал спортзал, поднимая тяжести.

Ну вот как, такой красавец, умница, со спортивной фигурой, мог не нравиться женщинам?

И, в то же время, как такой послушный сын мог бы не радовать своих родителей?

К сожалению, человек остаётся человеком, каким бы он супер не был на первый взгляд.

Оказалось, и у такого суперного Василия можно было найти свой изъян.

Он закончил школу, поступил в институт. Без труда поступил. Ибо, имея красный диплом, тут уж никакая комиссия не страшна. Да и знания сдаваемых предметов у Василия превосходили запросы и требования преподавателей. Вместо четырёх, ему надо было сдать всего два экзамена по выбору.

И, в случае сдачи на отлично, он проходил вне конкурса.

Так оно и случилось.

Учась на первом курсе, как-то под вечер, возвращаясь домой из библиотеки, где он пытался как-то расширить ту теорию, которую преподавал профессор в последней лекции. Шёл не спеша, что-то там высчитывал в голове, прикидывал результат. И лишь думал о том, скорее добраться до своего компьютера, чтобы всё пересчитать, перепроверить.

Путь лежал мимо продовольственного магазина, где обычно кучковались любители крепительных напитков, соображая на двоих, троих и более.

Неожиданно, спускаясь со ступенек, к его ногам упала женщина. Тут мало понятно, толи оступилась, споткнулась и упала. Или излишне принятый алкоголь ослабил ноги.

Тем не менее, Василий бросился помогать встать женщине.

Какая магия повлияла? Может, он впервые касался женского тела, нечаянно захватив и грудь. Может пьяные, но такие красивые и томные глаза женщины, которыми она посмотрела на него? Может близость губ, из которых разила не весть чем, но таких манящих?

Не буду утверждать.

Но, как бы там ни было, Василия как током проняло.

Женщина безвольно висела на сильных Васиных руках. И чувство похожие на те, как бы ты отнёсся к незаслуженно обиженному ребёнку, или щеночку, или там кошечке, постепенно переполняли Василия.

Приятным тенором женщина произнесла:

- Спасибо, молодой человек.

Ещё минутку повисев в его объятьях, утвердилась на ногах, и пыталась продолжить свой путь. Но походка была до того шаткой, что Василию пришлось подхватить её под руку, чтобы та вновь не упала.

- Может вас проводить, - предложил Василий.

- А чё, и проводи, а чё, почему бы и не проводить, - заплетающимся языком согласилась женщина.

Тот крепче взял её под руку, и они побрели не спеша прочь от того магазина.

Шли молча. Через какое-то время женщина или пришла в себя, или сказывалось, что её ведёт под руку красивый молодой парень, но она зашагала более твёрдой походкой.

Со стороны можно было подумать, что идёт влюблённая пара. И хоть женщина явно была старше своего напарника, но выглядела ещё очень даже привлекательно.

Лицо парня же выражало какое-то умиротворения, даже блаженство. Он послушно шёл туда, куда шла и она.

Вошли во двор, и встали возле одного из подъездов.

- Вот, спасибо, я дома.

Василий отпустил случайную спутницу. Та ступила в сторону подъезда, и (может нарочно, а может и в самом деле), пошатнулась и чуть не упала снова.

Василий подхватил её под руку:

- Простите, но, видимо мне придётся вас транспортировать до сомой квартиры.

- Транспортируй, - согласилась женщина.

Стоя у своей двери, женщина, шатаясь, пыталась найти ключ в карманах плаща.

- Ещё минуту, ещё минуту.

И вот, ключи извлечены, дверь отворена.

Женщина повернулась к Василию:

- Спасибо дорогой, - тут она обняла его за шею, сильно притянув к себе, и поцеловала Василия в самые губы.

Первый женский поцелуй. Неведомая доселе нега во всём теле. От неиспытанного ранее чувства даже в голове как будто молоточки застучали.

Ощущая на себе всё её тело, которым она к нему прижалась, Василий ощутил, как слабнут его ноги.

Ему было как-то неловко и стыдно от происходящего. Но, впервые испытанное чувство заставляло его держать эту женщину в объятьях и не отпускать.

И не известно, сколько бы ещё продолжалась эта эйфория двух сердец, если бы этажом выше ни раздался щелчок и звук открываемой двери. И голос:

- Танечка, давай скорее, мы уже и так опаздываем.

Василий резко отстранил от себя женщину.

Шаги по лестнице и голоса совсем привели Василия в реальность. Мимо них прошли, не молодая грузная женщина держа за руку девочку лет пяти.

Та с любопытством посмотрела на Василия. И тому показалось, что она ему подмигнула.

Но это только показалось. Не способны пятилетние девочки подмигивать незнакомым взрослым.

Но и это окончательно привело Василия в чувства.

- Вы простите, вы уже дома, тут уже и сами справитесь, - сказал он женщине: - а я пойду.

- Хорошо, иди. Ну случай чего заходи на чай. Знаешь где живу.

Может быть и зайду, - пообещал Василий.

Василий второй.

Дома, сидя у компьютера, Василий пытался сосредоточиться на тех формулах, которые необходимо было решить и вывести ответ подтверждающий правдивость той теории, которой он так загорелся после лекции их профессора. И тем, совершить прорыв в науке.

Вместо этого, в голове была какая-то каша, из-за чего тоже самое получалось и на мониторе. Из головы не выходила та женщина. Одна мысль о ней вызывала в нём неведомое до селе чувство. Оно было приятно, и его хотелось испытывать вновь и вновь.

Но инстинкт подсказывал и другое, какую-то опасность от этих отношений.

Привыкший всё анализировать Василий в этот раз старался не вникать в это подспудное чувство, гоня все тёмные мысли прочь.

В каждом человеке звучать два голоса. Один созвучен ненасытной плоти. И он весьма и весьма соблазнительный. Второй созвучен духу. Тот заставляет мыслить реально, предвидя последствия тех или иных действий.

По большей части, люди стараются слушать первый голос и следовать ему. Ибо, второй голос всегда вызовет негативную реакцию. Но поступи соответственно советам второго голоса, многих бед и несчастий избежишь.

Василий же поддался упоению первого голоса.

Формулы так и остались не решёнными в мониторе. Василий сначала оказался лёжа на диване. И призрачные грёзы картины мечтаний, следуя одна за другой наполняли его.

Следующие дни в институте он был очень рассеянным на лекциях. В разговорах с приятелями не мог сосредоточиться.

- Вася, что с тобой? Ты никак влюбился.

- С чего такое умозаключение?

- Да рассеянный ты какой-то. Я говорю, а ты сути уловить не можешь. С твоим-то умом!

Василий ничего не ответил приятелю. Про себя же подумал: «Действительно, что-то со мной не так, что-то с этим надо делать».

Больше всего он хотел пойти по тому адресу, куда он отвёл ту женщину в тот вечер. Но, каждый раз, как только он туда направлялся, какая-то робость, даже страх, вдруг останавливал его.

И мысли такие крутились в голове: «Да она была выпившая, уже и забыла меня. На чай приглашала, подумаешь, чай. Просто была любезность с её стороны. А поцелуй? Ну это акт благодарности за то, что помог ей добраться до дома».

Такого рода мысли, и схожие мысли, постоянно останавливали Василия, как только он собирался идти к той женщине.

И вот суббота. В институте не было пары. У Василия оказалось куча времени. Пойти в библиотеку? Посидеть у компьютера? Может с чем-нибудь повозиться на кухне?

Никакого порыва ко всему этому не ощущал Василий.

Ещё какое-то время борясь со своими чувствами, решительно оделся, повязал галстук, Василий вышел из дома.

Проходя по площади, в глаза ему бросился ряд продающих цветы.

«Слышал, что женщины любят цветы», - подумал Василий: «Так может взять ей букетик? Только вот какие она любит?»

Василий медленно шёл вдоль цветочного ряда.

- Молодой человек, молодой человек, - услышал он позади себя: - вам цветы надо?

Вот купите у меня, красивый букет.

Василий обернулся, женщина средних лет цыганской наружности смотрела на него.

Василий повернулся, подошёл к ней:

- Вообще-то я думал за цветы. Но, вот не знаю, какие той женщине цветы нравятся.

- Что, первое свидание? – догадалась та.

Василий только качнул головой.

- Для первого свидания лучше всего подойдут какие-нибудь белые цветы. К примеру, вот белые розы.

- Сколько стоят?

Когда продавщица назвала цену, Василий поёжился:

- Боюсь у меня денег на такой букет не хватит.

И действительно, студенческая стипендия не слишком отяжеляла кошелёк.

- Хорошо, сейчас что-нибудь придумаем. Вот, можно взять гвоздики белые. Они хоть и дорого, но дешевле роз. Или вот ландыши, скромно и не дорого. Или вот ромашки, ещё дешевле и практичнее.

- Что делать. На студенческую стипендию сильно не пошпикуешь: - пошутил Василий. Взял ромашки. И букет как букет, и по карману не слишком бьёт.

И уже с букетом Василий как-то уверенней себя почувствовал.

На звонок в дверь той квартиры, вышла действительно та же женщина. Вид у неё был помятый, видимо с похмелья. Халат полурастёгнут, так что оголял грудь на половину.

Взглянув на Василия, сразу его не узнала.

- Вам кого?

- Вы меня не узнали? Я вас как-то проводил до дома. Помог вам, когда у магазина вам стало плохо.

- У магазина? Плохо? Мне?

- Вы ещё сказали, чтобы я заходил на чай не забывал.

- Ну значит не забыл, заходи.

В этом месте не понять, узнала ли она того провожатого, которому подарила страстный поцелуй, или решила: «Пришёл, пусть уж заходит».

Она ввела Василия в комнату. В ней царил полный беспорядок. Как попало раскиданные вещи. На столе, рядом с остывшей едой, какие-то журналы. Тут же средства для косметики. На кровати сползшая простынь почти до пола, и скомканное одеяло в противоположной стороне от подушки.

- Ты уж прости за мой порядок. Вот так я живу, - не то извиняясь, не то жалуясь заговорила женщина.

Для Василия вид такой комнаты – шок. Но, он потупив глаза в пол, произнёс:

- Ничего, бывает.

Потом, как бы спохватившись, протянул ей букет из ромашек:

- Это вам.

Та вопросительно посмотрела на Василия, но цветы приняла. Прошла по комнате, и положила их на подоконник, который тоже был завален разным хламом.

Потом вернулась к столу:

- Присаживайся, - указала ему на единственно пустой стул у стола.

Василий сел.

- Знаешь парень, лучше бы вместо этих белых ромашек ты мне принёс белого вина. Знаешь, как меня мутит после вчерашнего.

Василий от её слов заёрзал на стуле.

- Но я не знал, я хотел, как лучше.

- Ну ладно, может так и лучше. А то я заигралась что-то с этой выпивкой.

Она поправила халат, чуть закрыв грудь.

- Да, как тебя зовут-то, что-то никак не вспомню, - вдруг сказала она.

- Меня? Василий, Вася, - ответил он: - Вообще-то мы тогда так и не познакомились.

- Вася значит, - как-то многозначительно выговорила она: - значит будешь у меня Василий второй.

- А почему второй? А кто первый?

- Нету первого, ушёл в небеса.

- Как это?

- Вот так, как ангел. Взмахнул крылышками и бяк, бяк, бяк.

Из всей этой истории за Васю первого, Вася второй ничего не понял. Но, скромно потупившись, решился спросить:

- А вас как звать?

- Нас? – как-то странно оглядевшись по сторонам спросила она. Но, в комнате были лишь она и Вася второй: - а, это меня? Так я Елена, этакая Елена прекрасная, устраивает?

- Ещё как, - в тон ей подтвердил Василий.

Минуту посидели молча.

Заговорила Елена:

- Может всё-таки сбегашь возьмёшь винца на похмельку? А я, тем временем, хоть немного приберусь тут. А то и самой не удобно, что встречаю гостя в таком хаосе.

Василий смущённо заёрзал на стуле. Практически все деньги он потратил на тот злосчастный букет.

Лена, видя его смущение, догадалась о его финансовых затруднениях.

- Вон, подкинь мне ту красную сумочку, - указывая рукой на кровать, которая была ближе к Василию и сумочку, ремешок которой виднелся из-под подушки, попросила она Васю.

Тот выполнил её просьбу.

Лена достала из сумочки кошелёк, из него вынула двадцать гривен, подумав, достала ещё пятёрку и подала Василию:

- Думаю, этого хватит на вино. Ну а если что, то вернёшься я добавлю. Или, сможешь добавить, то добавь.

Получив такие наставления. Вася вышел из квартиры.

На улице он почувствовал себя как-то легче. И, первая мысль была бежать отсюда. Но, чужие деньги в руке, и такт порядочности не позволили Василию совершить побег.

В магазине ему повезло. Денег Лены хватило на бутылку белого вина, ещё и сдачи дали.

Вернувшись, на стук в дверь, услышал:

- Входи, не заперто.

В комнате он застал Лену с метёлкой в руках. Пастель уже была застелена, вещи со стола убраны, даже на подоконнике оказывается, кроме хлама были ещё и какие-то цветы в горшках.

Васин букет был поставлен в литровую банку из-под какой-то закатки.

- Вот, - поставив бутылку на стол и положив рядом сдачу, сказал Василий.

Лена, подойдя к столу, взяла в руки бутылку, разглядывая этикетку:

- Да, можно было что-то и покрепче выбрать. Ну ладно, на безрыбье... , она не закончила фразу.

Василий только развёл руками:

- Извини, я в вине совсем не разбираюсь, ещё хуже, чем в цветах.

- Что, не пьёшь?

- Не пью.

- Штунда что ли?

- Что? Какой штунда?

- Верующий что ли, спрашиваю?

- А нет, не верующий. А почему ты так решила?

- Да вот, Василий первый был верующим.

- Что это за Василий первый? Чей «трон» я унаследую? – пошутил Василий.

- Да, там ничего серьёзного. Потом как-то расскажу. Ты лучше вот распечатывай бутылку. А то трубы горят.

Пока Василий возился с бутылкой, хоть это и не высшая математика, но сноровка всё равно требуется, Лена завершила подметать пол, вынесла мусор, на скорую руку собрала закуску к столу. Немного нарезала сыру, чуть колбаски, поймала из банки несколько маринованных огурца. Положила на тарелку подсохший чёрный хлеб. Всё это водрузила на стол.

Василию удалось - таки распечатать бутылку. Лена тут же наполнила по полному стакану и под села к столу.

- Ну, за знакомство, - подняла она стакан и выдала тост.

Следуя её примеру, поднял стакан и Василий. Чокнулись.

Неприятная жидкость в стакане рвотным комком подступила к горлу Василия. Тот, усилием воли, подавил в себе неприятный рефлекс.

Елена же спокойно в три глотка, проглотила свою порцию. Отломала кусочке сыра, потом откусила чуточку огурца, отломала маленький кусочек хлеба. Закусив всем этим.

- Ты что не закусываешь? – поинтересовалась у Василия.

- Да, да, ем, ем я, - так же беря кусочек сыра, за тем немного огурца и маленький кусочек хлеба.

Вроде как попустило.

Минуту посидели в молчании. За это время, в животе у Васи потеплело. В голове появился тихий гул.

- Ну давай Вася, командуй ты за столом, - тот взялся разливать вино по стаканам: - да не по полной, - остановила Лена, - быстро кончится, снова придётся тебе в магазин бежать.

- Теперь за что, - спросила Лена: - а давай за нас, мы же хорошие люди, пусть так и будет.

Василий кивнул ей, снова чокнулись.

Этих полстакана Василий проглотил с изрядным усилием воли.

Вновь в желудке потеплело. В голове закружило ещё больше. Настроение вдруг изменилось. Неловкость куда-то исчезла.

- Теперь Лена, что у нас там с Василием первый? Расскажите, - решил пообщаться Василий.

- Прежде давай-ка мне не выкай. Разве не знаешь, Бог был один – все Его звали на Ты, а чертей, тех много, потому их на вы. Ты что, меня за чёрта считаешь?

- Что вы Леночка! То есть ты, я вовсе, мне напротив, вы, то есть ты, очень даже нравитесь.

- Что ты говоришь!? – Лена кокетливо поправила причёску: - ну так поцелуй меня.

Василий потянулся через стол, чуть коснувшись губами губ Елены.

Та, встав из-за стола, обойдя его, повернула Василия со стулом, уселась к нему на колени и впилась губами в его губы.

Не понятно от чего, толи от выпитого вина, толи от такого страстного поцелуя, у Василия совершенно закружило в голове, и помутнело сознание.

Дальше всё было как в полусне.

Любовник.

И потекли, побежали недели, в которые были заброшены и компьютер с формулами, и вообще все занятия в институте.

Лена, придя с работы, уже встречала Василия у подъезда. Быстрое приготовление пищи из полуфабрикатов, поели и в постель.

Молодой ещё не заезженный организм Василия был ненасытным. И это, как видно, Лене больше всего нравилось. Та, даже пить бросила на это время.

В перерывах между любовными актами, Василий узнавал о Лене всё новые и новые подробности.

Узнал, что с детства она занималась спортом, теннисом. Подавала надежды. Но, что-то не получилось у неё в этом направлении.

Вот тогда и стал за ней бегать Василий первый. Но, очень был молод для неё. Однако в спорте он бесспорно добился больших успехов. Был и серебряным, и золотым призёром. И может далеко бы пошёл, но в одном из соревнований получил серьёзную травму и стал инвалидом. Мог передвигаться только в инвалидном кресле.

Погиб глупо. Встретив его, она хотела, по старой дружбе, обнять и поцеловать его. Но он стал вырываться из её объятий, коляска перевернулась, и он выкатился из неё на проезжую часть. А там машина, и всё, нет Василия первого.

Почему он вырывался от неё? Кто знает, может его штундинская вера не позволяла со знакомыми женщинами целоваться.

Может чуть слукавила Лена, но в основном рассказала правду.

Не очень-то скрывала, что, благодаря спорту, её взяли в институт, и так, почти не учась, она закончила его.

Рассказала, что в те годы они числились за каким-либо предприятием. Вот эту однокомнатную квартиру она тоже получила от завода «Молот», на котором работала копировщицей после института.

Когда начался развал союза, стали закрываться и заводы.

Сначала сокращали кого можно. Вот и она попала под сокращения. В любом случае, ей на заводе ничего не светило бы. Даже переаттестацию, которую требовали проходить раз в пять лет, она бы не сдала.

Ну а в спорте, если бы она и занималась дальше спортом, то надо было бы становиться профессионалкой. По любому завод не стал бы платить ей деньги за её спорт. А она бы не потянула.

Конечно, можно было бы стать тренером. Но, тут и без неё хватало претендентов. Открыть свой корт, у неё вообще без перспектив. Где было бы взять столько средств?

Остался один вариант, куда-то устроиться на работу. Пробовала себя и как продавщица. Но, скоро её уволили, большая недостача. Как вышло, она и до сих пор понять не может. Пробовала и там, и там, даже в бизнесе себя попробовала.

А вот теперь нашла место дворника в детском саду. Хоть труд не назовёшь лёгким, и платят не много, но зато, есть на работе, хорошо, нет и тут прощают.

От такой жизни вот и запила.

Были ли мужики? Да, вот Костя. Хороший парень. И красивый, и весёлый. И тоже в теннис не плохо играл. Но, бабник. Сейчас таксистом работает. С ним, по сути, на бутылочку и присела.

А так, привет, прощай. Они, наверное, и не считаются.

Васе же о себе и рассказать было нечего. Школа, институт, формулы, науки, всё это никак не могло быть интересно Лене.

Женщины, какие там женщины? Лена первая женщина в его жизни.

Будут ещё и другие женщины? Да вряд ли, Вася любит лишь её.

Так прошло почти месяц. Встреча, поели, в постель.

Такое положение вещей не могли не заметить родители. Начали допытываться, где Вася пропадает, что и дома не ночует? Как дела в институте?

Друзья стали звонить, то Василию, то домой. Конечно же родители всполошились.

Мать сходила в институт к ректору. Узнала, что у её Василия появилось масса «хвостов».

Насели на сына, чтобы он познакомил их с пассией, которая так активно стала влиять на судьбу их сына.

Пришлось Васе пообещать, что «хвосты» подтянет. Познакомить с подружкой? Познакомит, но позже.

Разговор с Леной о том, чтобы познакомиться с родителями Василия, привёл к тому, что у них произошла первая размолвка.

В это время Вася неделю прилежно ходил в институт, прилежно занимался. Снова мать видела его за компьютером и это радовало её.

Незаурядный ум Василия помогал ему, и он убрал многие «хвосты», и успешно шёл к завершению этого семестра.

Но, видимо обоюдная тоска друг по другу, сделала своё дело.

Встреча произошла как бы случайно. Хотя, каждый из них понимал, что сами её и подстроили.

В этот раз Василий взял бутылку вина, и именно того, какое нравилось Лене.

Сидя у неё, слегка захмелев, она в этот раз решилась:

- Ладно Вася, чему быть, тому не миновать. Пойдём в этот выходной знакомиться с твоими родителями.

Невестка.

Так уж получилось, Василий первый был на четыре года младше Лены. А уж Василию второму повезло отстать в годах от возлюбленной на двенадцать лет.

Но, нанеся правильно макияж, красиво одевшись, Лена даже очень хорошо смотрелась рядом с Василием.

Не смотря на все старания алкоголя, приложили руку и текущие года, но Лена ещё очень даже не плохо сохранилась. Что сказалося? Возможно годы, отданные спорту смогли сохранить её былую прелесть.

Очень красивая фигура. Может чуть-чуть выдавал кругленький животик, который дарят годы и регулярное не занятие спортом. Но и он придавал определённую прелесть её фигуре.

Вот такими они и явились перед ясными очами родителей Василия.

Критический взгляд матери, тут же определил, что сын выбрал себе что-то из ряда вон выходящее.

Смотрины начались. После короткого знакомства в прихожей трёхкомнатной квартиры, перешли к уже накрытому столу в зал.

Сели, помолчали. Как это обычно бывает, встречаются незнакомые ещё люди и сразу не знаю, с чего начать общение.

Обстановку разрядила мать:

- Что сидишь отец? Разлей вино. А вы давайте накладывайте в тарелки, что в глаза попадает. Всё свежеприготовленное. Всё должно быть вкусно. Давай Вася, поухаживай за своей девушкой. При этих словах мать сделала особый нажим на слово «девушка». В добавок метнув быстрый взгляд в сторону Лены.

Тогда отец, беря инициативу в свои руки, поднял бокал и встал.

Все последовали его примеру, и отец произнёс тост:

- За знакомство и за всё хорошее.

Выпили. При чём Елена чуть пригубила из своего бокала.

Ещё какое-то время молча закусывали.

Разговор возобновила мать:

- Так Лена, расскажи о себе. Кто ты, кто твои родители. Чем занимаешься.

- О...о...о! не слишком ли много вопросов сразу? – пытался защитить возлюбленную Вася.

- Нет, нет, - всё нормально: - согласилась с матерью Лена, - что рассказывать о себе? В прошлом я спортсменка. В теннис играла. Закончила политехнический институт. Работала в КБ на заводе «Молот».

Завод закрыли, работу по профессии не нашла. Пришлось устраиваться в детский сад дворником. Сейчас у многих такая доля.

Родители умерли давно. Есть тётка в селе. Но, мы с ней редко видимся.

Из рассказа Лены, всё вроде бы устроила мать Василия. Но, то что она дворник, как-то покорило её. Сынок, возможно будет учёным, возможно у него большое будущее, а тут жена, мало того, что старше на много, так ещё и дворник!

Потом шли пустые беседы. Так, о погоде, о природе. Как тяжело стало жить в Украине. Цены растут, а зарплаты нет. Рабочих мест не хватает. Чуть поностальгировали по СССР, где были и медицина, и образование бесплатны.

Выпили немного. Лена так и тянула свой бокал до конца встречи. Отец Васи хотел ей было подлить. Но, она его резко остановила:

- Не надо. Мне и этого много.

Когда поднялись из-за стола, мать стала убирать посуду. Лена вызвалась ей помочь на кухне в мойке посуды. Та не отказала.

На кухне, глядя в глаза Лене, она сказала:

- Ты подруга, как себе хочешь, но я тебе так просто сына не отдам. Буду бороться за него всеми силами.

Лена не нашла, что возразить будущей свекрови, только пожала плечами.

Василий, как бы на законных основаниях уже не ночевал дома. Но, как бы там ни было, раз в неделю, они навещали родителей.

Если отец с радостью встречал сына со снохой, то мать обязательно поджимала губы, и с упрёком смотрела на неё.

Лена делала вид, что не замечает её такого внимания к ней.

На людях Лена вела себя вполне прилично. Но, когда они оставались с Василием наедине, она позволяла себе бутылочку, другую винца. Так и Василий незаметно втягивался и уже очень даже по-свойски чувствовал себя, когда выпьет.

Следствием тому стало то, что он пропускал занятия в институте.

Отношение с Леной осложнилось внезапно тем, что в её дом как-то появился Костя. Тот уже по-свойски достал «пузырь» вина. Посмотрел на Василия, гоготнул в наглуую, и спросил Лену:

- Что, усыновила?

Та, в тон тому Косте ответил:

- Зачем усыновила? Это мой любовник. А что, ждешь, когда ты по бабам набегаешься и обо мне вспомнишь? Только сдаётся мне, что когда тебе будут уже бабы не нужны, ты и мне уже будешь не нужен.

- Ладно пацан, иди садись, дядя бить не будет, - посмотрев на Василия переменял разговор Костя.

- Смотри, чтобы тебе этот пацан оборотку не дал, - огрызнулся Вася.

- Ух ты! Дерзкий! – и уже более миролюбивым голосом предложил: - ладно, садись, вмажем.

Костя явно в этот дом явился с деньгами. Потому что, после первой была и вторая, затем третья. И уже компания порядком захмелела.

Костя бесцеремонно полез целовать Лену. А та, как будто и не слишком сопротивлялась.

Василий не выдержал такой наглости, набросился на Костю с кулаками. Но и тот не подарок, ещё силёнок в нём доставало. Вася, получив апперкот в подбородок, оказался на полу. Опомнившись, снова бросился в драку.

Так, охаживая друг друга кулаками, они двигались по комнате, пока не оказались в коридоре, а затем на лестнице.

Лена, что силы кричала, пытаясь их унять.

Что больше подействовало на соседей, крики захмелевшей Лены, или драка, но кто-то из сердобольных соседей вызвал полицию.

Те не замедлили приехать (что не часто бывает). И все, Вася, Костя и Лена были забраны в ближайшее отделение полиции.

Их распахали по разным отстойникам и оставили отдыхать до утра.

Суровое решение.

Все деяния Василия не могли обойти стороной и его родителей. Это и приход квитанции на оплату штрафа, это и из института звонили им.

И вот, мать с отцом сели на кухне и держали совет:

- Что скажешь мать? Как нам поступать с сыном? Совсем мальчик от рук отбился.

- Да, та девица очень пагубно влияет на него.

- Конечно. Надо из разлучить.

- Как ты разлучишь? Мальчик уже взрослый. Ему не скажешь просто так: «не ходи к ней». Ко всему похоже, это у него первая любовь. А она очень ранима.

- Любовь, любовь, - проворчала мать: - как влюбился, так и разлюбит. Но, разлучить как-то надо. И желательно на длительное время.

- Где же ты это возьмёшь, длительное время?

- А пусть бы он, отец, в армию пошёл.

- В армию?

- А что тут такого? В институте он уже нахватал «хвостов». Поговорим с ректором, пусть отчисляет. А, придёт из армии, восстановится. С его-то мозгами это будет не сложно. А ждать его она не станет. Года-то идут. А вернётся к ней ли, или нет, где ей быть уверенной. Вот, даст Бог, и выскочит замуж. Ну или ещё что там произойдёт.

- Не слишком ли сурово мы с ним? – усомнился отец.

- Знаешь отец, когда хирург отрезает от плоти достаточно большой кусок, чтобы спасти всё тело от рака, он не слишком переживает, жестоко ли он поступает. Считаю, что в судьбе сына мы вырезаем здоровенную раковую опухоль. Спасая его всего, разве это жестоко?

Тут отцу нечем было парировать. Тем паче, что он сам не очень был доволен своей невесткой. И ему самому очень бы хотелось избавить сына от её влияния.

Тут же решили, что к ректору пойдёт мать. Она, со свойственным ей тактом, и если надо даже слезу пустит, чтобы убедить ректора, что это единственный вариант, чтобы спасти сына.

На следующий день мать и отправилась к ректору.

Разговор у них был не долгим. На удивление матери, ей даже не надо было пускать слезу.

Ректор тут же согласился с ней, что та девица очень отрицательно повлияла на Василия. Его незаурядный ум способен на большее. И, как вариант, армия ему может пойти на пользу. И, конечно же, придя, он сможет восстановиться в институте.

И таким образом они спасут прекрасный ум для науки.

Мать сделала больше того, она ещё пошла в военкомат, нашла там полковника, отвечающего за призыв в армию, и его не надо было слишком убеждать.

Таким образом, через неделю, Василий уже получил повестку в армию.

Придя с этой новостью к Лене, думал, что опечалит её. Но, та как-то спокойно приняла эту новость:

- Ничего страшного, я слышала сейчас всего год служат. Отдохнём друг от друга. Заодно и чувства свои проверишь. Насколько ты меня любишь. А год, это не срок. Вернёшься, тогда уже можно будет смелее смотреть в своё будущее.

- И ты согласна ждать целый год?

- Согласна, не согласна. А что, военкомат моего согласия спрашивать будет? – уклончиво ответила Лена.

И уже чуть позже, игривым весёлым голосом добавила:

- Ну что воин, беги за пузырьём. Обмывать будем твои проводы.

В этот вечер они хорошо наклюкались. И, предчувствуя скорую разлуку, провели бурную ночь в любовных утехах.

До отправки в армию у Василия оказался целый месяц.

Он полностью рассчитался с институтом.

Да и что там было рассчитывать? Сдал в библиотеку несколько книг, которые брал там. Подписал обходной, что в общежитии ничего не должен, ещё так что-то где-то подписал. На всё, про всё ушло всего несколько часов.

Сколько мог, проводил время с Еленой. Родители решили не мешать. Пусть, мол натешится перед армией.

Проводы сделали не плохие. Были приглашены даже те дальние родственники, которых не всегда вспоминали и даже забывали открыточку отправлять в праздники, или просто позвонить.

Была приглашена и Елена. Тут куда деться. Сам Василий настоял. И та, на этих проводах, не слишком сдерживалась в употреблении спиртного.

У автобуса, который увозил призывников в часть, Васиных родственников не было. Провожали только мать, отец и Елена.

Служу отечеству.

Ну вот уже традиционно, что Вася попал служить в тот же артиллеристский полк о котором уже упоминалось в этой повести.

Если честно, автор не может вам описать, как теперь идёт служба в армии. Как делятся на духов, стариков и дедов. Как проходит учебка, как политзанятия. Ибо сам служил ещё во времена союза.

Прошло полгода, как Василий был в рекрутах.

Письма от Лены были не часты. Писала обо всём. Но, постоянно, после прочтения этих писем, Василий понимал, что она что-то не досказывает.

Потому, в каждом письме к ней, звучал один и тот же вопрос:

- Лена, дорогая, я чувствую, что ты что-то не договариваешь. Что там случилось?

Письма от мамы тоже не вносили никакой ясности. После того, как он ушёл служить, связи у них с Еленой не было. Ни она к ним не заходила, ни они к ней. Тем более, что они даже не знали её адреса.

И лишь на седьмой месяц он добился от неё правды.

«Дорогой Вася, я беременна от тебя. У нас скоро будет ребёнок. Не писала о том, чтобы не волновать тебя лишне».

Такое сообщение принесли в душу Василия целую гамму чувств. Он был и рад, что станет папой. Но, в тоже время, предвидя целый ряд проблем, это его раздражало.

Он понимал, что в институте после службы ему восстанавливаться придётся. Та формула, которая так и осталась в его компьютере не решённой, ещё должна была сделать прорыв в науке.

Он знал, что и родители были против их союза.

Да, если быть Василию откровенным самим с собой, то его взгляды на девочек поменялись. Его стали привлекать девочки свеженькие, моложе его. И он уже мог видеть в той Лене целый комплект недостатков.

Вот, под таким впечатлением, он и написал ей письмо, довольно сухое, безрадостное.

Получив его, Лена поняла, что закатилась её юность вместе с любовью Василия в тёмный закрытый угол. И уже никакими силами её оттуда не достанешь.

Первая мысль, посетившая её была: «Сделать искусственные роды». Только как? Где найти такого специалиста?

Консультируясь с врачом она узнала, что никто не возьмётся это делать. Первое и главное, что это небезопасно прежде всего для её жизни. А потом, это подсудная статья. Кто из-за неё, Лены, сидеть захочет в случай плохого исхода?

Мысль была откинута. Но, осталось в душе, что надо как-то избавиться от ребёнка.

В беременности она и так себе не слишком отказывала выпить. А тут, просто запила.

В похмельном угаре написала Василию такое письмо, что будь она потрезвей, то сама бы его выбросила или порвала.

Но, она его отправила.

Дорогой Вася!

Находишь меня старой и что я не подхожу тебе? Ну и наплевать.

Что я себе мужика не найду?

А выскребаша от тебя я всё равно задушу. Чтобы вообще ничего о тебе не напоминало.

На пользовался, натешился мною? Всю меня уже выпил?

Ну и х... с тобою. Больно надо.

Служишь? Служи. Держи дуло пистолетом. Мне вообще по... , ты и так для меня слишком молод. Салага. Вот так салагой и останешься на всю жизнь.

На днях Костя заходил. Мы с ним здорово покувыркались. Так что, дорогой Вася, адью!

В тот вечер Вася вступал в караул возле ангаров в которых были пушки и миномёты. Вахта очень ответственная и почётная.

Принимая караул, он, отдавая честь разводящему офицеру отрапортовал:

- Служу отечеству!

Тот принял рапорт и пошёл дальше с остатком тех, кого ещё надо было развести на посты.

Прохаживаясь вдоль ангаров, Василий думал тяжкую думу:

- «Ну что здесь плохого? Будет малыш. Хорошо бы сын! Ленка конечно много старше меня. Но, ведь красивая. Пьёт? А может быть, став матерью, одумается и остановится. Так подумать, что она в этой жизни видела?»

Ну побывала за границей пока теннисом занималась. Много ли у неё времени было видеть ту за границу? Сборы и соревнования. Режим и диета. Жизнь похлеще, чем в армии.

Нет, надо будет ей ещё письмо написать, извиниться. Я был не прав. Всё можно по-доброму решить».

Хоть Василий вообще не понимал, как тут решить по-доброму. Он даже себе самому боялся признаться, что боится и не хочет ничего, даже доброго. Что у него внутри нет ещё ни любви, ни привязанности к тому ребёнку, который должен появиться на свет.

И он, как-то судорожно хватался за каждую мысль, как примирить себя и как ещё приблизить себя, хоть в мыслях к той Лене и будущему своему сыну.

И неизвестно, сколько бы ещё так размышлял и шагал вдоль ангара взад, вперёд Василий, но вот раздался голос.

Это звал его старый приятель по учебке, Рыжко:

- Трофименко, Вася.

- Стой, кто идёт, - отреагировал Василий на голос друга.

- Да погодь ты со своими уставными отношениями, я к тебе по делу, вот письмо нес.

- Стой, стрелять буду, - предупредил Василий. А про себя размыслил так: «Витька со штаба. Возможно проверку на вшивость решили сделать. Спят ли на посту».

Но, Витька, подняв руки над головой показывая, что в руке у него конверт, и в тоже время в знак того, что он сдаётся ему.

И это был убедительный аргумент.

- Вот, - подошёл Виктор к Василию: - увидел у замполита на столе. Видимо забыл отдать со всей почтой. От Ленки, решил порадовать.

И не знал рядовой Виктор, что замполит против то письмо, решил придержать. Потом, пригласив рядового Василия к себе, как-то аккуратно сообщить и дать при нём прочитать это злосчастное

письмо, чтобы потом была возможность как-то разрядить обстановку и смягчить Васино настроение.

Но, в этот момент...

- Спасибо друг, - Вася пожал руку Виктору.

После рукопожатия Виктор сказал:

- Ну что, я пошёл, чтобы тебя не подставлять. Бывай.

- Бывай, - в тон ему ответил Вася.

Когда Виктор скрылся за углом ангара, Василий вытащил листик бумаги с уже распечатанного конверта.

Прочитав письмо, лицо тут же покраснело. Глаза выражали необузданный гнев.

Какое-то время он стоял как вкопанный. Потом решительно бросился к забору, огораживавшему часть от посёлка, одним махом перепрыгнув его, оказался по другую сторону.

Через лесопосадку выбежал на трассу. Остановил первую попавшуюся машину.

Видя воина с автоматом на перевес, водитель остановился. А кто бы рискнул ехать мимо?

Дезертир.

Водителю вовсе не нужно было в город. Но, по приказу Василия, он понёсся по трассе в сторону N.

Василий был спокоен на вид. Он не угрожал водителю, не дерзил. А просто, молча сидел на заднем сидении, погружённый в свои тяжёлые мысли.

Водитель же явно нервничал, понимая, что за его спиной сидит человек с автоматом. Мало что у него на уме.

Увидев издали заправку, он обернулся к Василию:

- Браток, ты извини, - улыбнулся он: - бензин к нулю. Надо бы заправиться.

- Так в чём проблема? Денег нет?

- Нет, я просто чтобы ты не волновался, что я на заправку заверну.

- Заворачивай, - не возразил Василий.

Водитель и завернул на заправку. Поставив машину возле ближайшей колонки, вышел и пошёл к кассе, как бы рассчитаться за бензин. Тут, мимоходом, завернул в магазин при заправочной станции. Там, уже за дверями, вытащил мобильный телефон и набрал 902.

- Полиция? В моей машине сидит воин с автоматом. Похоже беглый. Где подобрал? Не далеко у посёлка Z. Номер моей машины? МА 77-28 Четырнадцатый регион. Хорошо, я буду продолжать движение до ближайшего ГАИ.

Завершив переговоры с полицией, водитель взял в магазине пачку сигарет, потом, выйдя, пошёл в кассу заказал себе пять литров бензина (а больше ему в бак и не вместились бы), чтобы не вызвать подозрения у своего опасного пассажира, вернулся и сел в машину.

Для убедительности вытащил пачку сигарет и положил на торпеду.

- Зашёл в магазин, курил сигарет, - сказал, чтобы пассажир понял и не волновался.

Но, внешне спокойный Василий, тем не менее, очень внимательно за всем наблюдал. Понимая во что он вляпался, насколько всё это опасно, в нём проснулся дикий зверь, с обострённым слухом и наблюдательностью.

У водителя не хватило смекалки отойти от дверей, когда он зашёл в магазин. И, когда оттуда выходил один из посетителей, Василий видел, как водитель с кем-то разговаривал по мобильному телефону. И вид у того был такой сосредоточенный, что и так было понятно, что он не о свидании с кем-то договаривался.

Но, Василий промолчал.

Когда на дороге в поле зрения показалась постройка в виде башни, как обычно выглядят посты ГАИ, Василий попросил остановиться водителя:

- Я здесь сойду.

Водитель повиновался. Выпустив Василия, в зеркало заднего вида пытался понять, куда тот направиться.

Василий же, встал у обочины, всем видом показывая, что будет ждать следующую машину.

И лишь, когда убедился, что уже не попадает в обзор зеркала, опрометью бросился в лесопосадку.

По ней, бегом добрался до поста ГАИ. Выглядывая из-за кустов, он увидел отряд вооружённых воинов.

Ясное дело, в части уже его спохватились. На заправочной станции брать его не рискнули. Мало ли стрелять придётся. А так горючий материал.

Там же у поста ГАИ остановился и тот водитель, который вёз его до этого места.

Оживлённо разговаривая со старшим лейтенантом, всё время показывал в сторону трассы, по которой приехал сюда.

- Всадить тебе бы пулю в лоб, - злобно подумал Василий, но тут же решил: - ладно, живи.

Добираться опять по трассе было бы безумием. Василий понял, что тут его уже стерегут.

Осмотревшись, за следующей лесопосадкой увидел железную дорогу. До неё, если по прямой километра два не более. Для хорошо подготовленного спортивного парня, как Василий, это расстояние было вообще пустяк.

Сначала ползком, как можно дальше от поста ГАИ, а дальше уже бегом через поле, он направился к железнодорожному пути.

Достигнув путей, по направлению к городу, лесом он продвигался ещё минут сорок, пока не появились какие-то строения, что-то вроде полустанка.

В безлюдном месте, перейдя пути и засев в кустах, стал ждать, интуитивно предполагая, что здесь должен пройти поезд, на небольшой скорости, по направлению в город.

Где-то через час прошёл поезд в обратном направлении. Василий заметил, что он действительно снижает скорость перед этим полустанком. Проходя его снова набирает скорость. Понял и то, что он сидит в нужном месте.

Ему повезло ещё больше. На полустанке остановился пригородный поезд.

Сложность была в другом, и спереди и сзади состава был подцеплен локомотив.

Но, шальная мысль пришла ему в голову.

Он подобрался к локомотиву сзади поезда, когда уже на перроне не было ни одного пассажира.

Вскочив на ступени локомотива, постучал в дверь кабины.

Молодой парень отворил дверь.

Василий помахал ему рукой:

- Привет приятель, помоги.

Тот, от вида бойца с автоматом на плече, на миг опешил. Воспользовавшись этой заминкой Василий проскочил в глубь кабины:

- Привет, - ещё раз сказал вконец растерявшемуся парню.

- Привет, - неуверенно ответил тот.

- Слушай, вы, когда проезжали, не видели тут солдат бегающих по полю?

- Нет, не замечал.

- Это же надо! – возмутился Василий: - отстал от своих. Учения у нас сейчас. Выслали в разведку, а ориентир не оставили. Вы же в город?

Да, - односложно ответил парень.

- Так я с вами прокачусь.

- Вообще-то не положено, - начал парень.

- Брось, не положено. Много чего не положено. А вот если настоящая война, а мне бы грозила беда, ты что, не разрешил бы проехать в твоём комфортабельном купе?

- Ну так, это если б война! – протянул парень.

- Учение – это как настоящая война. Так что, давай брат, выручай.

- Хорошо, давай. Только у меня напарник там в голове поезда. Я здесь переключал дизель.

- Знаешь, напарнику ты ничего не говори. Чтобы тебе не нагорело. Скажешь потом, когда я сойду в городе.

- Хорошо, - согласился тот: - ты тут располагайся, а пошёл в голову поезда. Только ничего не трогай. Мало что нажмёшь.

- Нет, ты чего, что я ребёнок. Сам понимаю.

Так, даже толком и не знакомясь, они разошлись. Василий присел на место машиниста, а парень, через вагонную дверь, двинул вдоль состава.

«Приеду, поговорю с Ленкой, чтобы глупостей не натворила и сдамся властям. А там, будь что будет», - решил для себя Василий.

Беславный конец.

Когда поезд вошёл в черту города, снизил скорость.

Путь пролегал недалеко от ДЭПО, и, предполагая, что на вокзале его могут встречать, Василий решил не испытывать судьбу раньше времени.

Опустился на нижнюю ступень лестницы локомотива, выбрав участок поровнее, соскочил на землю.

В этом месте хватало построек и было безлюдно. Потому Василию не составило труда, не замеченным отправиться в город.

Уже практически в городе. До места, куда он собирался, пробираться по людным улицам и дворам, при хорошем быстром шаге, часа полтора.

А тут, необходимость постоянно прятаться ото всех, очень замедляло скорость передвижения Василия.

Неплохо зная город, пользуясь любыми безлюдными местами, хорошо озеленёнными местами, Василий шёл к цели.

Его задачу осложнило ещё то, что он не мог рисковать прийти к Лене прямо домой. Её адрес наверняка вычислили, и там уже сидит засада.

Уже близко вечер. Надо будет её перехватить по дороге на работу. Потом вдруг подумал: «А какая у неё работа? Если ребёнок от меня, то, быстрее всего она уже в декретном отпуске».

«Надо быть вблизи дома, - рассуждал Василий: - мало куда выйдет, вот тут с ней и поговорить».

Уже темнело, когда он добрался до дома в котором жила Лена.

Стоя на углу дома, всё никак не мог сообразить: «Где же здесь укрыться». Во дворе не было ни густых деревьев, ни кустов.

С минуту понаблюдав, понял, что здесь легко угодить в ловушку.

Через дорогу был парк в котором стоял храм.

Вот так получилось, Лена не один год жила против храма, так ни разу в нём не побывав. Так получилось, рядом был Бог, но она с Ним так и не встретилась.

Но, зато в парке было достаточно деревьев и кустов. Там было где укрыться.

Василий принял решение отсидеться в парке до поздней ночи, а там уже примет окончательное решение как быть.

В это вечернее время людей было немного. Вот так, стараясь не привлекать внимание, Василий и перебрался в парк.

Нашёл укромное место в старой, покосившейся от времени беседке, уселся на грязную полугнилую лавку, и снова задумался.

А, в это время, уже сознательный гражданин набирал номер 902 и сообщил, что видел солдата, вроде бы как с автоматом, который украдкой переходил через площадь в сторону храмового парка.

Тут же туда был выслан наряд и семи солдат и двух патрульных полицейских.

Из глубокой задумчивости Василия вывел выстрел. Это был одиночный выстрел. Но, он болью отразился в сердце, как будто это стреляли в Василия.

Выскочив из беседки, ползком подобрался к тому месту, откуда был выстрел, он увидел, как там собрались все, высланные преследовать его.

Пока те возились возле пострадавшего, что-то бурно объясняли друг другу. Звонили, суетились, Василий решил воспользоваться этим замешательством.

Пулей летел в сторону забора. И, когда оказался возле него, мгновенно перескочил через него.

Такая ловкость, даже не сообразишь, откуда она. Такой высокий забор взять одним махом, в реальности было бы не возможно. Но, видимо отчаяние и страх, инстинкт самосохранения добавляет силы.

Уже, убегая в сторону площади, он услышал сзади себя:

- Стой, стрелять буду!

Даже не смотря, кто кричит, чем грозит, Василий на бегу повернулся и дал в сторону кричащего длинную очередь.

Увидел, как взмахнул руками полицейский и упал набок.

Его очередь из автомата, привлекла группу преследования. Те быстро отреагировали. И бросились в погоню.

Хотя, погоня началась чуть раньше. Это двое из группы преследования увидели, как к забору бежал парень.

Передавая это друг другу по рации, они начали преследования.

Ещё короткое время, и уже через центральные ворота парка выскочили две машины.

Круто развернулись на площади.

Василий, что было скорости, нёсся во двор Лены. Какая-то неведомая сила именно туда тянула его.

Уже не далеко от её подъезда его настигла очередь, выпущенная из автоматов преследователей.

Жгучей болью пронизало всё тело. Он упал, уткнувшись лицом в клумбу возле подъезда возлюбленной.

- Отставить огонь, - прокричал лейтенант, когда Василий упал.

В этот момент дверь подъезда распахнулась. В одном халате на голое тело из подъезда выскочила Лена.

Какая-то мистическая сила подняла её с постели. Надела на себя первое, что попало под руки, она понеслась вниз по лестнице. Ещё сама не соображала, что с ней происходит.

Хоть ей изрядно мешал живот, она быстро выскочила из подъезда.

И тут она уже услышала выстрелы и увидела падающего Василия.

Упав на колени перед ним. Ужас объял её, когда она увидела лужу крови перед собой.

Василий был ещё жив.

- Прости Леночка, я идиот, - еле слышно прошептал он.

- Что ты, Васенька, что ты милый, не умирай, ты нужен мне, у нас же малыш будет, - уговаривала возлюбленного Лена.

Подожли патрульные. Видя эту сцену, они понуро опустили головы.

Лейтенант, приблизившись к Лене, положил ей руку на плечо:

- Мы вызвали скорую, может ещё спасут, - хмуро произнёс он. Только смыслу для вас? Ведь он стрелял в полицейского. Мало не дадут.

Лена, как будто бы во сне, не слыша, не видя ничего вокруг, смотрела только на Василия.

Лицо того покрылось мертвецкой бледностью. Дыхание рывками вырывалось из груди. Каждый такой выдох вырывался изо рта со струйкой крови.

Лена подняла грязную испачканную землёй руку Василия и целовала её, приговаривая:

- Только не умирай, только не умирай.

Если бы она знала молитвы, то в этот момент вопияла бы к Господу, прося за возлюбленного. Но, она только жила против храма, совсем рядом с Богом. Но, так и не познала Бога. Потому ни одна молитва не вырывалась с её губ.

Приехала скорая, Василия погрузили на носилки.

- Можно я с вами, - попросилась Лена.

Её отстранил старший лейтенант:

- Не положено. Он хоть и раненый, но преступник. Так что, вам всё равно с ним видеться не дадут.

Привезли Василия уже мёртвого в больницу.

Множество смертельных ранений, большая потеря крови завершили бег жизни в спортивном сильном теле Василия.

И вот он в вагоне со странной вывеской под одним из окон «Небеса – конечная».

И жалкая картина перед ним раскрывается.

Мать вся в чёрном, с заплаканным лицом, бегаёт, унижается, умоляет, чтобы ей отдали тело сына.

- Он преступник, - всего один ответ на все его просьбы.

Уже в кабинете прокурора области всё-таки вопрос решился. Уже в годах мужчина, довольно крупный, но с такими добрыми человеческими глазами. Внимательно выслушал мать Васи. Поднял со стола папку с делом Василия, перечёркнутую красной линией с угла н угол. Раскрыл, из неё несколько страниц.

Потом, глядя в глаза матери Василия, сказал:

- Я не вижу причины отказывать вам в просьбе похоронить сына по-людски. Возможно парень никого бы и не убивал, если бы его не преследовали. Думаю, та роковая очередь, единственная, выпущенная из автомата, была им произведена из страха. Ведь по делу, он больше нигде не применял оружие. Даже не грозил им никому. И, уже, когда его действительно преследовали, он не стал отстреливаться.

Вижу, статью не совсем правильную применили к нему.

Так что, забирайте тело сына и хороните.

Видел и Лену, бледную и пьяную, лежащую в своей мятой постели на простынях, которые уже давно не были стиранными.

Глава 7

Младенец.

Никто не знает о тайне рождения. Учёные, которые уже многого достигли в разных областях, а вот в области создания жизни так и застыли, как будто находясь в каменном веке.

Лена, в своих тридцать лет и один год, впервые забеременела.

Сначала радость от того, что скоро станет матерью переполняли её. Хорошее настроение не оставляло ни на миг.

Но вот, ушёл в армию Вася, начались настырные приставания Кости. А родители Василия, даже при случайных встречах где-то в городе, отворачивались и старались сделать вид, что не знают её.

И так, как она не имела особо ни подруг, ни друзей, потихоньку впала в депрессию.

Внутренне-то она понимала, что вино – это невыход из положения. И, даже более того, вредит младенцу.

Но, избавляясь от депрессии, стала снова выпивать.

Автор, как каждый человек, так же был когда-то в утробе матери. Но, хоть что ни говори, как ни пытайся, не помнить никаких ощущений, ни каких впечатлений не может.

И вот кто обо всём этом ему расскажет?

Придётся выдумывать всё, что думает и ощущает младенец. Ведь, по материалам исследования учёных, первыми при зачатии новой жизни, начинают образовываться нервы и голова.

Таким образом, даже прежде сердца, у новой жизни, сначала развивается мозг и чувства.

А, зная, что всем процессом руководит Сам Бог, то вот и получается то, что получается...

Рука Ангела.

- Кто ты и где я?

- Я Ангел, а ты ещё зародыш в утробе матери.

- А что я буду тут делать?

- Будешь постепенно превращаться в нормального человека.

- Хорошо!

- Ой, Ангел! Что мне так плохо?

- Извини, я не могу помочь. Твоя мама пьёт вино. Сразу это противно. Нервы натягиваются. Вот тебе и плохо. Но, это скоро пройдет. Тебе станет весело.

- Действительно весело! И что, так всегда будет?

- Нет, скоро тебе снова будет плохо.

- А та, которая надо мной так издевается, кто она?

- Это твоя мама. Она хорошая, красивая, но очень несчастная.

- Значит и я несчастный?

- Наверное, - вздохнул Ангел.

- Ангел, смотри, я могу ворочаться!

- Растёшь малыш!

- Здорово-то как!

- Ой, Ангел, что случилось, что-то мне так тревожно!

- Малыш, ты остался без папы.
- Так может и оставаться здесь? Тут тепло и влажно.
- Нельзя малыш, очень скоро ты увидишь мир, который состоит из бесчисленного множества красок и чувств. В том мире много добра. Но, много и зла. Тебе будет не просто. Но, тебе придётся всё это пройти.
- Ты же меня не оставишь и в том мире?
- Не оставлю, и твой Творец тебя не оставит. А вот будешь ли в Него верить?
- Знаешь Ангел, я не знаю о Творце ничего. Я не могу ничего обещать.
- В своё время узнаешь и Творца!
- Лучше бы раньше настало то время.
- Зря торопишься малыш. Мне жаль тебя...

Роды.

Когда увезли Василия на скорой помощи, Лена поднялась в квартиру, легла на свою мягкую постель, на простыни, которые она давно не меняла.

Резкая боль в животе, младенец начал биться в нём, как будто очень хотел от чего-то избавиться, от чего-то спастись.

Лена пыталась глубоко дышать, чтобы как-то утихомирить эту боль.

Но боль всё нарастала. Не в силах выдержать её, Лена, усилием воли, поднялась с постели. В темноте нащупала сумку, висевшую на спинке стула. Так же ощупью вытащила из неё телефон набирая номер 903.

- Скорая? Мне плохо, я рожаяю.

В трубке строгий женский голос начал спрашивать:

- Назовитесь, как вас звать, сколько лет, где проживаете.

У Лены помутилось в голове. Путаясь, даже в своей фамилии и имени, забыв даже свой адрес, кое-как оформив вызов, уже в конце, чуть ли не криком:

- Быстрее, быстрее, я уже рожаяю.

Скорая помощь, та же, что забирала и Василия, быстро оказалась у подъезда. Санитары с носилками, бегом поднялись на третий этаж.

Лена, зайдя домой, даже не до конца закрыла дверь. Та оказалась приоткрытой. Потому санитарам и звонить не пришлось.

Ещё через пятнадцать минут она была на столе перед акушером.

Малыш появился быстро. Его мощный плач оповестил весь мир о появлении ещё одной жизни на земле.

Малыш родился здоровым, доношенным, три пятьсот. Всё для радости и счастья.

Когда Лене принесли на кормление её сына, она не могла налюбоваться на крохотное чистое личико сына.

- «Как ангелок» - мысленно любовалась Лена сыном: «Даже смотри, чем-то на Васечку похож».

Ребёнок оказался беспокойным. Как только отрывали его от груди, даже сытый, в сухих пелёнках, казалось без причины, он начинал заводить свою громкую песню «А...а...а...а!» И так без конца.

Видимо, через этот крик, выходил весь алкоголь, принятый Еленой за время её беременности.

А в жизни, кроме постоянных криков сына, и так угнетало всё. Этих жалких грошей, которые она получала в декретном отпуске, едва хватало на оплату квартиры. А ещё надо было покупать для сына памперсы. А они почему-то постоянно дорожали. Покупать разные молочные смеси, от которых у сына тут же портился желудок. Да что там говорить, и самой есть было надо.

Не выдерживая такой эмоциональной нагрузки, Лена снова запила.

В один из таких запоев, когда сын уже заходился в крике, лёжа в насквозь промокшим памперсе, Лена спохватилась. Дикая ярость на этого беззащитного младенца, нахлынула не неё.

Вскочив с уже привычной для неё, грязной постели, она с остервенением стала снимать с малыша тот мокрый памперс. Потом швырнула его подальше в угол.

Малыш орал без устали.

Лена кинулась к шкафу, достала оттуда пелёнки, замотала малыша, как смогла своей нетвёрдой пьяной рукой. Сверху намотав на него одеяльце, схватила на руки и бегом на улицу.

Ребёнок, как бы чувствуя что-то не доброе, замолчал.

Лена, доведённая до иступления криком младенца, даже и не заметила, что он уже смиренно молчит.

Почти бегом добралась до мусорных баков. Там, с размаха кинула младенца в один из них.

Младенец, ударившись о железную стенку бака, затих навсегда.

Лишь утром, дворник баба Зина, обнаружила в мусорном контейнере младенца. Тут же была вызвана полиция.

Дознание было не долгим. Елену вычислили быстро.

А та, уже изрядно выпившая, мирно спала на своей измятой грязной постели.

Суд присудил Елену к пожизненному заключению.

Эпилог.

Печальная повесть о жизни людей. Но, зато правда.

Вот, собрались в вагоне совершенно разные люди, с разными характерами, с разными судьбами, разных возрастов. В разное время они «садились» в этот вагон. Ничего общего, казалось бы, лишь вот этот вагон.

И несётся он куда-то вдаль, или ввысь. И будут у него остановки в пути. И каждый из них сойдёт на своей станции, в своём пункте назначения. И это уже навечно.

Не Творец определит каждому из них свою судьбу. Живя на Земле, они сами выбрали себе её.

Кто-то будет вечно жить и радоваться царству в небесах. Кто-то не сможет удержать слёз радости от того, что избежал вечного наказания, и по милости Божьей, ему дарован рай.

А кому-то придётся вечность проводить в месте невыносимых мук, терпя эту кару за свою необдуманную беспечную жизнь!

Не автору судить их, а только Богу...

Пока жив человек, не надо упускать единой уникальной возможности слиться со своим Творцом, чтобы в вечности, с благодарностью Ему, быть по-настоящему счастливым.

На краю облака, перед великим и чудесным городом, стоит младенец держа за руку свою проводницу, своего Ангела.

- Ну вот малыш, ты увидишь Своего Творца. Кончились для тебя все ужасы и боли.

- Да! Я уже вижу Его! Он прекрасен!